

Сокровища ордена тамплиеров

Автор:

Наталья Александрова

Сокровища ордена тамплиеров

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

Пятница 13 октября 1307 года вошла в историю как черная пятница. В тот день по приказу короля Филиппа IV Красивого были арестованы руководители ордена тамплиеров, а сотни знатных рыцарей под охраной доставлены в Париж и другие города королевства, где позднее состоялись показательные процессы над храмовниками. Однако целью короля было не только обезглавить могущественную организацию, но и завладеть ее несметными богатствами. Впрочем, ни в парижском Тампле, где находилась главная резиденция ордена, ни в замках видных тамплиеров никаких богатств не оказалось. Казна ордена словно сквозь землю провалилась и не найдена до сих пор.

Но что, если главным пропавшим сокровищем тамплиеров было вовсе не золото и драгоценности, а их знание?

Возможно, загадку нескольких веков удастся разгадать директору небольшой коммерческой фирмы Анне Беркутовой, к которой по ошибке попал старинный ларец с секретом...

Ранее книга издавалась под названием «Ларец графа Сен-Жермена»

Наталья Александрова

Сокровища ордена тамплиеров

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

– Татьяна Семеновна, нельзя ли быстрее? – Анна из последних сил старалась говорить спокойно, но в голосе невольно прозвучало раздражение.

– Иду-иду! – Домработница нагнулась, зашнуровывая ботинки.

Анна прикусила губу – ну, это надолго. Она взглянула на часы – время на пределе, если попадет в пробку, можно и не успеть.

– Да разве ж я не понимаю, что поезд ждать не станет, – бормотала, неловко разгибаясь, домработница, – готова я уже, готова, только сумку возьму.

Сто лет она застегивала сумку и надевала перед зеркалом жуткий малиновый берет, хотя на улице сегодня тепло и солнце светит, как летом. Анна в который раз подивилась про себя – ведь не старая же тетка, а одевается, как древняя старуха! Впрочем, Анну это никак не касается. Тетка неплохая, старательная, квартиру убирает чисто, а что некоторые тараканы в голове присутствуют, и довольно крупные, так если бы их не было, она бы другую работу нашла.

Наконец Татьяна Семеновна потопала к двери. Анна подхватила дорожную сумку и бросилась следом.

– Утюг я проверила... – бормотала домработница в лифте, – воду перекрыла, свет везде выключила... газ...

Анна только вздохнула и закатила глаза – какой газ? У нее же плита электрическая!

– Лишний раз проверить не мешает... – Татьяна Семеновна поджала губы.

Анна поскорее отвернулась, чтобы не сказать грубость. В конце концов, домработница не виновата, что у Анны на работе мало того что постоянный цейтнот, так еще и бесконечные форс-мажорные обстоятельства. Селиверстов

сам лично звонил из Москвы, и таким злым она никогда его не слышала. Это еще цветочки, думала Анна, что он еще выскажет ей при встрече.

Ее компания совсем недавно установила в фирме Селиверстова полный пакет всех программ по компьютерной безопасности, Селиверстов заплатил приличные деньги, и вот не прошло и двух месяцев, как какой-то предприимчивый хакер влез в базу данных и скачал едва ли не все сведения о клиентах. Сведения были строго конфиденциальны, фирма Селиверстова занимается финансовыми консультациями, ясно, что клиенты не хотят афишировать свои проблемы. Судя по тому, что в общем-то вполне вменяемый господин Селиверстов был с Анной непривычно груб, ему от клиентов досталось по первое число.

Вот поэтому Анна и сорвалась в Москву посреди дня, потому что нужно приехать и застать всех на месте. Хотя Селиверстов сказал, что никого из офиса не выпустит, пока не разберется с проблемой, хоть до ночи будут сидеть.

Лифт наконец доехал до первого этажа, Анна бросилась к выходу, но тут взгляд ее упал на почтовые ящики. Из ее, семнадцатого, номера торчал ворох бумаг. Опять накидали разной ерунды, ведь говорила же консьержке, чтобы не пускала в дом всех этих, с листовками! Вдруг что нужное там затеряется? У нее нет времени бегать потом по коммунальным службам, искать квитанции...

Анна подскочила к ящику и вывалила из него кучу разноцветного бумажного хлама.

– Все на помойку! – бормотала она, наскоро перебирая листовки и рекламные буклеты. – На что только лес переводят...

– А вот, смотрите! – торжествующе закричала домработница и выхватила квитанцию на посылку.

Анна вгляделась – и верно, почтовое извещение: «На ваше имя получена посылка... извещение повторное... если в течение пяти дней посылка не будет получена...» Так-так, все понятно, очередная посылка от тети Любы.

Ее двоюродная тетка жила в Смоленской области, сильно жалела племянницу и рвалась о ней заботиться. Анне едва-едва удалось уговорить ее проявлять

заботу издали.

Тетя Люба и правда хорошо к ней относилась, но в нынешних обстоятельствах никак нельзя было пускать ее к себе. Недавно тетя Люба справила юбилей – шестьдесят лет, Анна заранее послала ей нарядное платье, выкроив время для похода по магазинам.

«Как это ты угадала с размером? Сидит как влитое», – радостно причитала тетя Люба по телефону.

Анна только усмехалась – она прекрасно знала свою тетку и просто прибавила к пятьдесят второму размеру, указанному тетей Любой, еще два. Получилось в самый раз.

Платье помогло – в том самом ресторане, где справляли юбилей, тетя Люба познакомилась с очень приличным вдовцом, и теперь дело, кажется, налаживается. Однако даже в таких обстоятельствах племянницу тетя Люба не забывает и регулярно шлет ей посылки. Домашнее варенье, сушеные грибы и теплые вязаные носки.

Анна вздохнула – посылку надо обязательно получить, а то она уйдет обратно, и тогда не оберешься от тети Любы неприятностей. Она всполошится, начнет звонить, придумает себе, что Анна тяжело заболела, раз даже на почту не смогла сходить, и, чего доброго, притащится в Петербург с медом и малиной.

– Татьяна Семеновна, дорогая! – попросила Анна. – Вы не могли бы получить посылку?

– Да кто же мне выдаст? – Домработница поджала губы, ей не хотелось тащить с почты тяжеленную посылку. – Она же на ваше имя...

– А я позвоню сейчас и договорюсь... – в голосе Анны появились просительные нотки, и домработница смягчилась.

– Паспорт-то у меня с собой – на дачу позавчера ездила, так из сумки его не выложила, у меня ведь льготный билет, а его без паспорта не продадут...

Анна уже набирала телефон почтового отделения, напечатанный на извещении. Там, против обыкновения, подошли к ней с пониманием, сказали, чтобы она написала от руки доверенность на получение посылки, и все будет в порядке.

Анна договорилась, что посылку домработница оставит у консьержки, потому что ключей от квартиры та ни за что не хотела брать.

– И не просите меня, и не уговаривайте! – отмахивалась она, когда Анна предлагала ей ключи. – Что-то у вас пропадет, а на меня подумают! Я на это не согласная!

Консьержка кивала из своей будочки: не волнуйтесь, Анна Павловна, мол, все будет в порядке, постоит у меня ваша посылочка, никуда не денется. Анна взглянула на часы, охнула и помчалась к метро – так будет надежнее, а то с этими пробками и правда на «Сапсан» можно опоздать.

Татьяна Семеновна осталась поболтать с консьержкой, и Анна безуспешно пыталась отогнать от себя мысли, что говорить они будут о ней. И то верно, о чем им еще разговаривать? Обсуждать жильцов и хозяев, больше и тем никаких нету. Что о ней скажет консьержка? Тихая жиличка, вечно ее дома не бывает, с работы поздно приходит, и все бегом, все бегом. Одета, конечно, хорошо, но выглядит на все свои годы, а может, и старше. Въехала к ним в дом более полугодом назад, и всегда у нее тихо. Ни гостей никаких, ни подруг, и мужчина никакой не ходит. Вот чего нет, того нет, одна она как перст, ни мужа, ни детей.

Это точно, станет поддакивать домработница, никого у нее нету. Она и дома-то старается не бывать, потому что дом неуютный, все равно как номер гостиничный. Занавески купила какие были, все вздыхает, что они не подходят, а новые заказать никак не соберется. Рукой только махнет – ах, оставьте, Татьяна Семеновна, некогда мне этим заниматься совсем, работы много! Одежда, конечно, у нее дорогая, что говорить, косметики всякой в ванной навалом, а толку? Так-то она женщина интересная, ежели подкраситься да волосы уложить, так все при ней. На фигуру, конечно, худовата, да теперь так модно. Но все куда-то несется, все торопится, все слова цедит сквозь зубы, брови хмурит, какой мужчина такое потерпит? Мужики любят, чтобы женщина вокруг них увивалась, никуда не торопилась, ласковыми словами называла, ужин вкусный подавала. С этой такой номер не пройдет...

А консьержка хмыкнет понимающе, сложит губки куриной гузкой и закивает с фальшивым сочувствием, а у самой глаза заблестят от предвкушения. И, видя такой неподдельный интерес, ее собеседница наклонится низко и доверительным полусшепотом сообщит ей все подробности ее, Анны, личной жизни. Домработницы всегда все знают, это еще Булгаков заметил.

Анна скрипнула зубами и осознала себя в метро. Надо же, отвлеклась и едва не проехала свою остановку.

На поезд она успела едва-едва, прибежала за пять минут до отправления. Поезд сидячий, ее место у окна. Народу в вагоне немного, так что соседнее место пустовало, это очень хорошо – никто не привяжется с разговорами.

Анна выпила воды, отдышалась и откинулась на спинку кресла. Можно немного подремать. Или подумать, как строить разговор с Селиверстовым.

Но сон не шел. А вместо деловых мыслей в голове Анны возникли воспоминания о том, как примерно год назад кончилась ее личная жизнь. Да что там личная, кончилась просто жизнь.

Пропало надежное мужское плечо рядом, пропали совместные планы и мечты, пропали редкие поездки в отпуск, когда телефон отключен и они только вдвоем, ненадолго, но одни, и никто не помешает. Пропали безмятежные воскресные утра, когда можно выпить кофе в халате и сидеть за столом долго-долго, разговаривая о пустяках, пропали нечастые свободные вечера, когда можно поваляться на диване в обнимку, читая или бездумно глядя в экран телевизора.

Ничего этого больше нет. Потому что все это можно было делать только вдвоем. А этот мужчина, дорогой, любимый, единственный... теперь его не существует.

Нет, с ним все в порядке, он жив, здоров и даже очень неплохо выглядит. Во всяком случае, ему сейчас гораздо лучше, чем ей. Еще бы, с молодой-то женой...

Анна открыла глаза, потому что ей показалось, что последнюю фразу она сказала вслух. Нет, показалось. Напротив мама воркует с ребенком, девочка хорошенькая, некапризная, улыбается всем. Рядом с Анной так никто и не сел. Это радует.

Она усмехнулась про себя – как мало осталось вещей, которые ее радуют! Радуют по-настоящему. Даже работа, работа, которая всегда была для нее едва ли не самым важным на свете, даже она перестала приносить радость.

Да уж, жизнь умеет подкидывать подлянки, в ее случае это особенно наглядно.

Как же хорошо они начинали с Вадимом! Поженились рано, Анне не было еще и двадцати шести, а знакомы были давно, еще с института. Анна тогда собралась менять работу, было далеко ездить, и начальник смотрел косо, чем-то она ему не угодила. Как назло ничего хорошего не подворачивалось, она проболталась года полтора на случайных заработках и приуныла.

Вадим много работал, и ей было скучно. Мама советовала родить, пока суть да дело, и ребенок вырастет, но Анна решила все же сначала определиться.

Очень ей не хотелось осесть дома и думать только о памперсах и детском питании. Только подрастет немножко – ясли-садик, детские болезни, какая уж там работа. Потом – школа, не успеешь оглянуться – время ушло, никому ты на работе не нужна. А ей хотелось сделать карьеру. Ну и деньги не помешают.

Вадим только помалкивал, у него-то с работой все было в порядке – классный программист, просто супер, такого где угодно с руками оторвут. А потом умер отец Анны. Они с мамой давно были в разводе, Анна его почти не помнит – так, встречались изредка. От отца осталось какое-то имущество – квартира, загородный дом. И вот, когда родственники разобрались с наследством, оказалось, что Анне причитаются не то чтобы большие, но приличные деньги. И тут Вадим как раз поссорился со своим начальством – дураки, мол, все, строят из себя, а сами ни черта в работе не секут.

Идея пришла им в головы одновременно. Просто проснулись как-то утром, повернулись друг к другу и сказали хором: «Организуем свою фирму!»

Вадим тут же опомнился – как да что, да опасно, но Анна загорелась этой идеей и начала претворять ее в жизнь. Она оформила все бумаги, потому что Вадим категорически отказался этим заниматься. Его дело – разработки, а больше он ничего не знает. Анна не спорила, взяла все на себя. Сняла скромный офис, наняла пару-тройку сотрудников, уговорила знакомую бухгалтершу взять на себя оформление отчета. Текущим учетом занималась сама – пока болталась без

работы, изучила кое-как бухгалтерское дело. Фирму называли «Секьюри-ком», область деятельности – информационная безопасность. Антивирусная защита, антиспамовая защита, защита личных данных, защита от несанкционированного проникновения – все это они обещали своим клиентам. Которых, надо сказать, пока было мало.

Анна похудела, глаза ее ввалились, она моталась по выставкам высоких технологий, посещала презентации, вывесила рекламу в Интернете, на другую у них не было пока денег.

Парочку своих разработок Вадим прихватил с последней работы, еще кое-что было у него начато, и теперь появилось время закончить. Его программы были удобны в установке и работали без перебоев. Потихоньку дела у фирмы пошли на лад.

Не все было гладко, доставали конкуренты, приставали рэкетеры, обманывали сотрудники. Анна безумно уставала – физически и морально, не высыпалась и ела наспех, появились преждевременные морщинки и несколько седых волосков, но одно она знала твердо – на своего компаньона она всегда может рассчитывать. Он не подставит, не предаст, не подведет со сроками. И если не поможет советом, то просто поддержит в трудную минуту. По плечу погладит, обнимет крепко, глядишь – и полегчает, и неприятности окажутся не такими уж серьезными.

Потому что не просто совладелец фирмы, не просто компаньон – муж. Родной и любимый. Все у них общее – работа, дом. Срослись они половинками, как сямские близнецы.

Так прошло десять лет. Отметили день рождения фирмы, к тому времени штат вырос, офис давно уже был другой – большой и современный, красиво оформленный. Были на празднике не только сотрудники, но даже кое-кто из конкурентов. Клиенты давнишние, крупные. Дела у фирмы шли неплохо, Вадим все улучшал свои разработки, Анна успешно вела переговоры, они продавали свои программы не только в России, но и в других странах.

Нужно расширяться, поняли они с Вадимом после праздника. Организовали новый отдел – продаж и рекламы, набрали людей. И среди них – Дарью Салтыкову.

Анна сама проводила собеседование. Девушка не то чтобы ей понравилась – но у нее были диплом университета и стажировка в крупной фирме. Красивая девица, видная и вроде неглупая. И Анна ее приняла, ничего ее не кольнуло.

Ей исполнилось тридцать семь лет, и вопрос о ребенке встал ребром. Дальше будет поздно. В конце концов, сейчас она вполне может позволить себе ненадолго отстраниться от дел фирмы, нужно наконец подумать о семье.

Анна решила пока не говорить ничего Вадиму и к врачу пошла не в их клинику, куда были приписаны все сотрудники. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь увидел ее, выходящей из кабинета гинеколога, тут же пойдут сплетни.

Доктор была пожилая. Она долго расспрашивала Анну, причем задавала вопросы, совсем не относящиеся к ее профессии.

– Мы подождем результатов анализов, – сказала она на прощанье, – но предупреждаю, все будет непросто. Я работаю много лет, и не было у меня случая, чтобы люди, прожив в браке больше десяти лет и не зачав ни разу, были бы абсолютно здоровы. Пока же советую вам отдохнуть. Лучше поехать куда-то одной и пожить в покое. Больше гулять, и никакой экзотики.

Анна так и сделала – уехала в санаторий на две недели. Вернувшись, нашла фирму в приличном состоянии, Вадим с коммерческим директором Мишей вполне справились. Муж выглядел энергичным, глаза блестели, исчез намечающийся животик. Анна еще порадовалась – ему полезно вылезти на некоторое время из-за компьютера.

Доктор ничего не сказала нового. Анна была здорова, и на первый взгляд ничто не мешало зачать ребенка. Она не сказала врачу, что уже примерно год не пользуется никакими противозачаточными средствами. С другой стороны, как-то у них с мужем в последнее время все редко... дел много, она устает очень...

Анна дала себе слово в ближайшее время поговорить с Вадимом.

А потом разразился кризис. То есть он, конечно, был и раньше, но наконец проявился в их области. Количество заказов стало резко убывать, международные переговоры сами собой сошли на нет. Денег не хватало даже на зарплату. Пришлось сократить сотрудников и сдать половину офиса торговой

фирме. Все с таким трудом, потом и кровью налаженное дело трещало по швам.

У Анны вылетели из головы все мысли кроме одной – спасти фирму! Спасти любой ценой!

Вот тогда начался сущий ад. Возможно, ей так казалось, потому что прошло уже десять лет напряженной работы, и Анна за это время не то чтобы расслабилась, но привыкла к мысли, что она – владелица крупной фирмы, которая твердо стоит на ногах и так далее. Теперь все могло рухнуть как карточный домик, и к физическим мучениям примешались моральные. Анна никак не могла понять, что она сделала не так.

Напрасно аналитики в Интернете уверяли ее, что кризис – вещь непредсказуемая, что потери в это время неизбежны, Анна винила себя во многом. Говорить об этом с мужем она не могла – он-то при чем? Его работа, как всегда, была безупречна. И если, не дай бог, все же с фирмой придется расстаться, он работу найдет всегда. А вот что будет с ней, с Анной? Кому нужен директор прогоревшей фирмы? А больше она ничего не умеет делать. И, как выяснится буквально на днях, с этим делом она тоже справляется плохо.

Фирма выжила, и Анна даже сейчас не хочет думать, скольких лет жизни ей это стоило. И вот, когда положение их упрочилось и Анна слегка перевела дух, Вадим преподнес ей «подарочек». В один прекрасный субботний вечер он сказал, что им надо поговорить. И снова Анну ничто не кольнуло, никакого предчувствие, как полная дура, она слушала его с радостной улыбкой. Потому что настроение было все время хорошее, она была горда собой, ибо преодолела все трудности самостоятельно, Вадим ей не слишком помогал.

Муж не стал мямлить, топтаться на месте и отводить глаза. Не стал он орать и упрекать Анну во всех смертных грехах, как делают почти все неверные мужья, – дескать, ты сама виновата, ты меня не понимаешь, и все такое прочее.

Он твердо сказал, что полюбил другую женщину и с этим ничего не поделаешь. У него это серьезно, он намерен в ближайшее время на ней жениться, поскольку у них будет ребенок, так что он очень просит Анну не чинить никаких препятствий к разводу.

Все случилось так быстро, что Анна не успела убрать с лица дурацкую радостную улыбку. Было такое чувство, что ее с размаху двинули кувалдой по голове.

Когда же затих шум в ушах и перестали кружиться перед глазами красные мухи, Анна только спросила, внезапно охрипнув: что же это такое? кто она, эта женщина, и когда же Вадим успел?

И он, не отводя глаз, признался, что это та самая девица из рекламного отдела, Дарья Салтыкова. Анна прислушалась к себе и поняла, что она совершенно не помнит эту самую Дарью. Та проработала у них недолго, всего несколько месяцев, потом уволилась, и только сейчас до Анны дошло почему. Разумеется, Вадим настоял, еще бы, это ведь неприлично, когда хозяин фирмы крутит роман с подчиненной, да еще на глазах у жены. Хотя за Анну-то можно было не беспокоиться, она в это время находилась в таком состоянии, что не разглядела бы влюбленную парочку, даже если бы они устроились у нее в приемной на диване. Сплетни она никогда не слушала, да никому из сотрудников не пришло бы в голову с ней делиться. Анна всегда держала дистанцию, не пила с дамами кофе, не курила и не обсуждала модные тряпки.

Значит, пока она моталась, как угорелая кошка, ища заказы, умоляя кредиторов хоть немного подождать, утрясала вопросы с налоговой, администрацией, умасливая компаньонов и интригуя против конкурентов, пока она терзала себя, лежа ночами без сна, ее муж и совладелец фирмы спокойно трахал свою девку.

Анна похудела, подурнела и постарела, нервы ее были натянуты, как канаты, сколько фирм лопнули, владельцы их разорились, она же выстояла вопреки всему и вот что получила в благодарность! Она полностью ему доверяла, она считала, что надежнее его нет у нее человека, и так оно и было много лет, но вот...

Она не смогла выдержать такой удар спокойно, она сорвалась и орала вовсе уж несусветные вещи. Вадим тоже завелся, в общем, они крупно поругались, и он ушел, хлопнув дверью.

После его ухода ей стало так плохо, хотелось кататься по полу и выть. Впервые в жизни Анна накачалась транквилизаторами, потому что испугалась, что может что-то с собой сделать.

Наутро стало еще хуже. Анна позвонила на работу и сказала больно́й. Она валялась на неубранной кровати, тупо щелкая пультом телевизора, однако для ее деятельной натуры такое времяпрепровождение было настолько нехарактерно, что хватило ее ненадолго. Позвонили с работы, что-то там у них случилось, без нее никак не могли решить, и Анна поехала туда. Только побоялась сесть за руль.

Первое, что она поняла, войдя в офис, – это то, что все всё про нее знают. Да-да, все сотрудники, начиная с коммерческого директора Миши и заканчивая уборщицей Алевтиной Степановной – были полностью в курсе ее семейных дел. Больше того, они знали о бурном романе Вадима с самого начала.

Они все на его стороне, поняла Анна, поэтому никто, ни одна сволочь не сообщила ей про эту шлюшку Салтыкову, никто не подсунул своевременную анонимку, никто не прислал фотографий. Еще бы, это она – вредная начальница, она распекает, увольняет и лишает премии, Вадим Андреич же – душка, свой в доску, пьет с девочками кофе, говорит комплименты теткам из бухгалтерии и обсуждает с мужчинами достоинства автомобилей.

Ну ладно, подумала она, сжав зубы, Вадиму удалось застать ее врасплох, но только один раз. Этим же гадам, ее подчиненным, она такого удовольствия не доставит.

Вадим явился к ней в кабинет через полчаса. Выглядел он тоже плоховато.

– Не здесь, – процедила Анна, почувствовав, что он пришел доругиваться, – свои личные дела мы в офисе обсуждать не будем. Работа не должна страдать.

– Вот именно, для тебя главное – чтобы не пострадала твоя драгоценная работа! – зло прошипел он. – В мире может быть любой катаклизм, хоть конец света – а тебе наплевать, лишь бы фирма уцелела! А я хочу простого человеческого счастья, детей хочу растить, на природе бывать, покоя хочу!

Насколько Анна знала жизнь, именно покоя-то теперь у него и не будет. Однако она промолчала.

– Ты даже родить не могла! – не унимался он. – Ты – пустоцвет!

Этого говорить ему не стоило. Анна посмотрела ему в глаза и поняла ясно, что с этим человеком у нее все кончено. И никогда ничего не может быть налажено. Даже если он бросит свою девку и приползет к ней, такой он ей не нужен.

О, она всегда умела вовремя принять решение! И следовать ему до конца. Упорства и твердости ей не занимать.

– Приходи вечером за вещами, – сказала она, – там и поговорим. А сейчас мне надо работать.

Он поглядел ей в глаза и ушел, на этот раз не хлопнув дверью.

Однако работать она не смогла, просто сидела в кабинете и думала, думала...

Казалось бы, история самая банальная, муж ушел к молодой бабе. Дело, как говорится, житейское, с кем не бывает? Люди разбираются в этом соответственно своим наклонностям, каждый по-своему. Кто-то скандалит, превращая жизнь бывшего супруга в настоящий ад, кто-то выбрасывает его вещи с балкона, кто-то гордо отказывается от денег и алиментов (таких мало), кто-то нанимает опытных адвокатов, предоставляя им вести дело к обоюдной выгоде. И лишь малый процент супружеских пар расходятся полюбовно.

В их случае все было бы просто – детей нет, разменяли квартиру, да и разбежались. Она, Анна, женщина самостоятельная, проживет как-нибудь. Но что делать с фирмой? Они не могут разделить фирму пополам. Продать? Сейчас неподходящее время, и опять-таки, Анна-то куда денется? Выходит, она не только теряет мужа, но и фирму. А уж свою компанию она не собирается отдавать просто так, без боя.

Все это она изложила Вадиму вечером, когда он явился за вещами. Анна помогла ему собрать два больших чемодана, чтобы не таскался потом за каждой мелочью.

Трудясь на пару, они досконально обсудили вопрос с фирмой. Пока решили оставить все как есть – другого варианта у них просто не могло быть. Начинать новое дело на пустом месте у каждого не хватило бы ни сил, ни возможностей.

Они очень быстро развелись и решили вопрос с жильем. Анна въехала в скромную двухкомнатную квартиру в относительно новом доме. Вадим что-то там комбинировал, выжидал и приискивал варианты. Где они жили в данный момент, Анна понятия не имела, кажется, снимали квартиру. Отцом Вадим пока не стал, поскольку месяца через два после того, первого разговора Вадим не вышел на работу, а когда он понадобился Анне, секретарша ляпнула, что Вадим Андреич не придет, у его жены случился выкидыш. Анна нахмурилась и в ответ получила три злорадных взгляда – секретарши, девицы из рекламного отдела и главного бухгалтера. Идя по коридору, Анна раздумывала, не слишком ли фирма пострадает, если она уволит всю троицу. Выходило, что нельзя трогать только бухгалтера. И то пока, а со временем можно и ее турнуть.

Она сама удивилась, какое удовлетворение почувствовала, когда объявила секретарше об увольнении. Оставшиеся полдня та рыдала в приемной, бормоча что-то про больную маму и младшего братишку. Рекламщица уволилась сама, поняла, видно, что к чему. Главный бухгалтер при встрече заглядывала в глаза и говорила фальшивым голосом. В стране бушевал кризис, работы не найти...

В общем, сотрудники все поняли правильно, и больше никаких эксцессов не было.

Анна сосредоточилась на работе, потому что порядком запустила дела, пока продолжался развод. С Вадимом они общались только по делу, осторожно обходя в разговоре все личные темы.

Первое время Анне трудно было привыкнуть к одиночеству. Ведь они даже обедать всегда ходили вместе. Очень удобно, можно поговорить о делах, однако на самом деле, как поняла Анна, ей просто хотелось побыть вдвоем с мужем. Деловой ланч или ужин с партнерами – они всюду были вместе, Анне так было гораздо удобнее. Никто из подвыпивших соседей по столу не станет приставать, муж – вот он, рядом. Да не посторонний человек, а совладелец фирмы.

Теперь же пришлось все это свести до минимума, причем Вадим и не настаивал, он проговорился как-то, что его... эта самая Дарья очень недовольна, когда они ходят куда-то вместе с Анной. Та только плечами пожала – это естественно.

В общем, такое двойственное положение никого не устраивало, и Анна начала переговоры с банком о получении ссуды. Она хотела все же выкупить у Вадима

его долю. В конце концов, хорошего разработчика она найдет, это сейчас не такая большая проблема.

Вадим ее идею одобрил, он, как и говорил, хотел забыть прошлую жизнь и начать новую с молодой женой. Но оказалось, что эту идею сильно не одобряет его... пока еще не жена, но дело к тому шло. Анне без труда удалось выудить из него все, мужчины вообще ужасно много лишнего болтают.

Она, эта амбициозная выскочка, заявила, что не собирается замуж за простого программиста, он, дескать, представлялся ей владельцем собственной преуспевающей фирмы, а теперь хочет все отдать этой старой кошелке.

Последние два слова Вадим не посмел произнести вслух, Анна сама догадалась. Она поняла, что выкупить его долю пока не получится. Что ж, придется подождать, но к этому вопросу она еще вернется...

Анна открыла глаза и огляделась. За окном бежали деревья и домики пригорода Москвы. Ну надо же, вместо того чтобы поспать, она ударилась в воспоминания. Пора бы уже перестать травить душу, ничего хорошего из этого не получится.

– Заболталась я с вами. – Татьяна Семеновна взглянула на часы, озабоченно поджала губы и покинула закуток консьержки – пусть понимает, что Татьяна ей не чета, занятая женщина, у которой каждая минута на счету.

Сперва Татьяна Семеновна направилась было к торговым рядам, но тут вспомнила, что Анна попросила ее получить на почте посылку. Вот так согласишься по доброте душевной, подумала она недовольно, и приходится тратить свое личное время, а его и так вечно не хватает... постельное белье не стирано, и окна давно пора мыть.

Задумавшись о своих многочисленных делах, Татьяна свернула в другую сторону, шагнула на мостовую...

Тут же раздался резкий скрип тормозов, остервенелый сигнал клаксона. В двух шагах от нее затормозил белый пикап, в окно выглянул смуглый дядька в надвинутой на глаза кепке и заорал:

– Куда прешь, ворона! Глаза разуй! Лезешь под колеса! Тебе, может, жить надоело, а мне из-за тебя на зону неохота!

Татьяна Семеновна отскочила назад, испуганно покосилась на злополучный пикап. Вот ведь что бывает, если слишком много думаешь! И вправду могла попасть под колеса!

Сердце билось, как ошалелая птица в клетке, а самое неприятное – как всегда от испуга, у нее начался приступ астмы. Воздух вырывался из горла с мучительным сипением, в глазах начало темнеть. Татьяна трясущимися руками нашарила в сумке ингалятор, поднесла к губам, дважды нажала на кнопку...

Кажется, отпустило. Дышать стало легче, пелена перед глазами расступилась.

Водитель пикапа еще доругивался, но увидел ее посиневшее лицо, плюнул и уехал – мало ли что с ней случится, а ему придется отвечать.

Татьяна Семеновна отдышалась, дождалась зеленого света светофора и побрела по переходу.

Хоть она и разыгрывала недовольство, но шла она на почту с радостным предвкушением: там работала ее старая знакомая Лика Мартынова, с которой они несколько лет жили на одной лестничной площадке. Пять лет назад Лика съехала с сыном, и у нее появилась постоянная тема для разговоров – сложные отношения с невесткой. Как известно, нет ничего приятнее чужих проблем, поэтому Татьяна Семеновна любила поговорить с Ликой.

Однако на почте ее ждало разочарование: вместо Лики сегодня работала какая-то молодая девчонка.

– А где Гликерия Васильевна? – осведомилась Татьяна, когда подошла ее очередь.

– А я почем знаю? – недовольно фыркнула девица и дернула плечом – видимо, отношения с Ликой у нее не сложились.

– Что вы мне суете? – процедила она, прочитав предъявленную Татьяной квитанцию. – В извещении одна фамилия, а паспорт на другую! Тут Беркутова, а тут – Грибоносова!

– Да вот же доверенность, – терпеливо пояснила домработница. – Это хозяйка моя, Анна Павловна Беркутова, а это я, Татьяна Семеновна Грибоносова... вот видите – она доверенность на мое имя написала и позвонила на почту, ей сказали, что так можно... она на поезд опаздывала, вот и попросила меня...

– Да что вы там возитесь? – подал голос кто-то из скопившейся за Татьяной очереди.

– Олимпиада Самсоновна, – крикнула девчонка куда-то за спину. – Тут женщина с доверенностью пришла, можно ей выдать по доверенности? А то у нее извещение на одну фамилию, а паспорт на другую... и доверенность от руки написана...

Татьяна Семеновна не расслышала ответа, но он был положительным, судя по тому, что девица фыркнула, дернула плечом и недовольно проговорила:

– Ладно, заполняйте! Вот тут напишите паспортные данные...

Татьяна аккуратно заполнила квитанцию, девчонка удалилась и вскоре принесла из подсобной комнаты большую коробку в бело-синих надписях.

Татьяна запихнула коробку в красивый красно-белый пакет с рекламой французской косметики и покинула почту.

Посылка была очень тяжелая, и Татьяна вернулась к дому Анны, чтобы поскорее от нее отделаться.

За время ее отсутствия настроение у консьержки испортилось. Если Анне она клятвенно обещала оставить у себя посылку, то теперь перед Татьяной стала изображать собственную значительность.

– И чего это я должна эту посылку у себя держать? – говорила она через губу. – Мало ли что с ней случится, а я отвечай! И вообще, откуда я знаю, что в этой

посылке? Вон по телевизору каждый день предупреждают, чтобы не брать ничего у незнакомых людей! Вдруг там это... подрывное устройство?

- Это кто же тут незнакомый? - стыдила консьержку Татьяна Семеновна. - Анна Павловна живет у вас в доме!..

- Да она только полгода как въехала!

- А меня вы сколько лет знаете? Я до Анны у Полины Захаровны убирала, а до нее - у Риммы Марковны...

В конце концов консьержку удалось уговорить. Оставив у нее громоздкий пакет с посылкой, Татьяна Семеновна наконец добралась до торговых рядов.

Первым делом она отправилась в мясной ларек, где работала ее знакомая, Лариса.

Знакомых у Татьяны было вообще очень много, иногда ей казалось, что их чуть не полгорода. Но если некоторые знакомства были скорее приятными - поговорить, обсудить погоду и цены, перемыть кому-нибудь косточки, - то знакомство с Ларисой относилось к разряду полезных: та всегда откладывала для своих друзей кусочек мяса получше и подешевле. Вот и сейчас, едва Татьяна вошла в ее ларек, Лариса достала из-под прилавка увесистый сверток в черном целлофановом пакете.

- Бери, подруга, - проговорила она, протягивая сверток Татьяне. - Ласточкин хвост.

- Что? - удивленно переспросила Татьяна Семеновна. - Да разве же ласточек едят? Тем более хвосты...

- Да ну тебя! - Лариса усмехнулась. - Это говядина, такая часть туши - называется ласточкин хвост! Недорого, а если с луком потушить, очень вкусно!

Татьяна поблагодарила подругу, расплатилась и пошла дальше - за овощами к скромной киргизке Мание, а потом за сладким к двум сестрам Маше и Глаше.

Все покупки Татьяна Семеновна укладывала в большой красно-белый пакет с рекламой известной французской косметической фирмы. Таких пакетов у нее было очень много, поскольку Татьяна по пятницам мыла полы в офисе фирмы, торговавшей французской косметикой.

Сделав наконец все покупки, Татьяна в самом благодушном настроении направилась к дому. Впереди ее ждали чай с печеньем и любимый сериал.

Она уже подходила к своему подъезду, как вдруг рядом с ней остановилась большая темно-серая машина.

- Татьяна Семеновна! - окликнули ее из машины.

Татьяна оглянулась.

Машина была незнакомая, и человека, который ее окликнул, она видела первый раз в жизни, а от незнакомых людей она привыкла ожидать исключительно неприятностей. Поэтому она сделала вид, что не услышала незнакомца и прибавила шагу.

Но тут перед ней, словно из-под земли, появился еще один человек, такой же незнакомый, как первый, и чем-то на него неуловимо похожий. Отличали этих двоих только волосы. У первого незнакомца они были темные и коротко подстриженные, а у второго, наоборот, гораздо светлее и длинные, чуть ли не до плеч.

- Куда же вы, Татьяна Семеновна? - проговорил он укоризненно. - Вас же позвали.

- Кто позвал? Куда позвал? Главное дело - зачем позвал? - забормотала Татьяна, пытаюсь обойти незнакомца. - Мне домой срочно надо, я свет в ванной комнате выключить забыла.

- Ничего, погорит еще немножко, - отозвался незнакомец и потеснил Татьяну к машине. - Нам с вами нужно поговорить. Сядьте, пожалуйста, в машину.

– Я с незнакомыми людьми разговаривать не приучена, а особенно – в машину к ним садиться...

Однако незнакомец не слушал ее возражений. Он твердо ухватил перепуганную Татьяну Семеновну за локоть и втолкнул ее на заднее сиденье машины. А сам сел рядом и захлопнул дверцу.

Кроме них, в машине был еще один человек – тот, стриженный, который первым окликнул Татьяну Семеновну. Теперь он развернулся к ней с переднего сиденья, протянул руку и схватил ее пакет.

Татьяна Семеновна вспомнила, что по телевизору неоднократно рассказывали о разгуле преступности, о том, что наркоманы и бомжи прямо на улице нападают на одиноких пенсионерок, отнимают у них сумки и даже пакеты с продуктами. Правда, эти двое незнакомцев не были похожи ни на наркоманов, ни на бомжей. Хотя бы потому, что наркоманы и бомжи не разъезжают на собственных машинах. Но Татьяна Семеновна испугалась пуще прежнего.

Стриженный незнакомец тем временем запустил руку в пакет Татьяны Семеновны и вытащил из нее сверток с мясом.

– Что это такое? – проговорил он брезгливо.

– Ласточкин хвост, – честно призналась домработница.

– Что? – Стриженный схватил Татьяну Семеновну за воротник и проговорил, грозно двигая желваками: – Ты надо мной издеваешься? Какой еще хвост?!

Татьяна Семеновна хотела было объяснить, что ласточкин хвост – это такая часть мясной туши, вкусная и недорогая, но от страха она начала задыхаться и не могла выговорить ни слова.

– Какой еще хвост?! – повторил страшный незнакомец и встряхнул Татьяну Семеновну, как тряпичную куклу. – Куда ты ее дела? Признавайся, куда ты ее спрятала?

– О... чем... вы?.. – с трудом проговорила Татьяна, но и эти невразумительные слова заглушил сиплый свистящий хрип, вырывающийся из ее горла. Татьяна широко открыла рот, пытаясь вдохнуть, лицо ее начало синеть, глаза выпучились, как у лягушки.

– Ты что тут за концерт устраиваешь? – рявкнул стриженный. – Кончай придуриваться! Отвечай: куда ты ее дела?

Но Татьяна Семеновна ничего не отвечала. Хриплое дыхание прервалось, она обмякла, глаза ее закатились.

– Что это с ней? – удивленно проговорил стриженный, до которого начало доходить, что женщина не разыгрывает его.

– Погоди... – растерянно отозвался его напарник, пытаясь нащупать пульс женщины. – Не шуми... дай послушать... вот черт! Кажется, она померла!..

– Как померла? С какого перепугу померла, Саморез? Я же ей еще ничего не сделал, только начал вопросы задавать...

– Черт ее знает... тетка пожилая, может, у нее сердце... точно, померла, пульса нету! И что теперь нам делать?

– Что делать... – его напарник выругался тихонько, – куда-то ее надо из машины срочно деть, не раскатывать же по городу с трупом! Тут недалеко есть одно место. Езжай, Пузырь, потихоньку...

Темно-серая машина свернула в переулок, миновала два квартала и пустырь, затем углубилась в проход между домами. Потом они долго ехали мимо бетонного забора, а когда свернули за угол, то оказались в чахлой рожице, куда выходили окна трехэтажного длинного дома. Место было уединенное, однако довольно чистое, не было навалено вокруг никакой помойки, даже стояли две лавочки и имелась еще незасеянная клумба.

Поминутно оглядываясь на окна дома, парочка злоумышленников посадила труп несчастной Татьяны Семеновны на скамейку и поскорей удалилась.

Анна прошла через главный зал Московского вокзала. Возле памятника Петру Великому, как всегда, толпилась молодежь с рюкзаками, длинноволосый парень перебирал струны гитары.

В кармане куртки ожил мобильник – пришло сообщение. Анна свободной рукой достала телефон, взглянула на дисплей. Диспетчерская служба такси сообщила, что ее встречает серый «фольксваген» номер триста пятьдесят.

Анна спустилась по ступеням, вышла на площадь и тут же увидела нужную машину. Серый автомобиль стоял прямо напротив выхода из вокзала, и водитель уже спешил навстречу. Ее чуть заметно зацепило какое-то несоответствие, но Анна слишком устала, чтобы копаться в таких мелочах.

Она отдала водителю чемодан, опустилась на заднее сиденье и прикрыла глаза.

Она устала. Очень устала.

Командировка оказалась на редкость тяжелой, Селиверстов, и вообще-то человек непростой, на этот раз превзошел самого себя, грозил штрафными санкциями, кричал на нее, как на безмозглую девчонку. Анне пришлось применить все свои дипломатические навыки, весь свой опыт ведения переговоров. Все те способности, благодаря которым она сумела сделать к тридцати девяти годам такую карьеру. Все те способности, которые даже Вадим вынужден был признавать.

Сначала она соглашалась с Селиверстовым, поддерживала его претензии. Он удивился и сбавил тон, пытаясь понять, что Анна задумала. Потом вообще замолчал. Она воспользовалась возникшей паузой и напомнила ему о пункте 7.2 договора, который включила специально для таких случаев. Когда Селиверстов задумался, чем это грозит, – выложила все карты: что сами сотрудники Селиверстова не соблюдали элементарные правила безопасности, использовали в качестве паролей имена своих собак и кошек, которые может вычислить любой технически одаренный ребенок, так что именно они несут ответственность за утечку информации и ни о каких штрафных санкциях и речь не может идти. Селиверстов задумался, она предложила компромисс – Вася бесплатно переустановит систему, сменит все пароли, в качестве бонуса установит новейшую антиспамовую программу. Селиверстов еще немного подумал, надулся, но в конце концов согласился – понял, что лучше получить хоть шерсти

клок, чем остаться при пиковом интересе.

Так что к концу второго рабочего дня вопрос был решен, и Анна, выжатая как лимон, едва успела на «Сапсан».

По дороге она просматривала документацию, искала слабые места в договоре, поэтому ничуть не отдохнула – и сейчас решила хоть на полчаса отключиться.

И в этот самый момент на мобильный телефон снова пришло сообщение. Анна достала телефон – вдруг пришло что-то важное? – взглянула на дисплей...

Это было сообщение от диспетчерской службы такси: «Вас встречает синяя “шкода” номер двести четырнадцать».

«Что за бред? – подумала Анна. – Меня уже встретил серый “фольксваген”, я уже еду домой... никто не умеет работать! Все путают, забывают...»

Она взглянула на водителя – и перехватила в зеркале его взгляд, настороженный и подозрительный.

И тут она осознала, что именно удивило и насторожило ее несколько минут назад.

Водитель бросился ей навстречу, хотя она ничем не выделялась из толпы приезжих. Бросился раньше, чем она направилась к его машине.

Откуда он знал, что именно она – его пассажирка?

В тот момент она не придавала этому значения, но сейчас...

Анна посмотрела в окно машины – и еще больше насторожилась.

Они ехали вдоль Обводного канала, вовсе не в ту сторону, где находился ее дом.

– Куда мы едем? – спросила она раздраженно.

– Пробки объезжаем, – бросил водитель через плечо. – Там такие пробки, что застрянем на час, а то и больше!..

– Пробки? – переспросила Анна и бросила взгляд на часы.

Был уже двенадцатый час, в такое время пробок не бывает, хотя кто его знает, пробки – вещь непредсказуемая...

Однако расслабиться больше не удавалось, она то нервно поглядывала по сторонам, то ловила в зеркале взгляд водителя. Напряженный, недобрый взгляд.

– Остановите машину! – потребовала Анна. – Я выйду сейчас!

– Здесь нельзя останавливаться! – процедил водитель, скопив на нее глаза.

– Что значит – нельзя?! – крикнула Анна. – Я сказала – сейчас же останови машину!

Но на этот раз водитель даже не обернулся. Вместо того чтобы остановить «фольксваген», он прибавил скорость.

Анна вжалась в сиденье, завертела головой... Что происходит? Куда и зачем ее везут? И самое главное – что делать?

Она вовсе не была робкой тургеневской барышней, теряющейся от любой неприятности, она умела держать удар и вела свои дела жестко и решительно, но сегодня она столкнулась с чем-то таким, перед чем ее решимость ничего не значила. На деловом языке, к которому привыкла Анна, это называлось форс-мажор, или иначе – обстоятельства непреодолимой силы.

Машина тем временем проезжала мимо автовокзала неподалеку от Балтийского вокзала. Здесь даже в такой поздний час движение было оживленным, но водитель не снижал скорости. Резко вывернув руль, он обогнал черный БМВ с тонированными стеклами. Вдруг черная машина прибавила скорость, вильнула, подрезав «фольксваген», и резко затормозила, прижав его к набережной канала.

Водитель «фольксвагена» едва успел остановить свою машину и сидел, вцепившись в руль и переводя дыхание. Дверца БМВ распахнулась, из нее выскочил здоровенный детина кавказского вида, с трехдневной черной щетиной на лице, и бросился к «фольксвагену», размахивая монтировкой и выкрикивая хриплым истерическим голосом:

– Ты кого, ка-азел, подрезал? Ты что, ка-азел, о себе думаешь? Я тебе сейчас рога-то пообломаю!

Водитель «фольксвагена» опомнился и полез в бардачок – видимо, там у него тоже имелось какое-то средство самообороны.

Анна не стала дожидаться конца этой разборки – она воспользовалась тем, что ее «таксисту» было сейчас не до нее, открыла дверцу машины, выскочила из нее и припустила бегом.

На этот раз, несмотря на усталость, она побоялась останавливать машину и села в подвернувшуюся маршрутку, которая довезла ее до ближайшей станции метро.

После перенесенного стресса ей хотелось как можно скорее добраться до своей квартиры. Она не любила эту квартиру, не успела к ней привыкнуть, не успела превратить ее в уютный обжитой дом, но теперь эта скучная, безликая квартира казалась ей островком безопасности и покоя, ей хотелось как можно скорее попасть туда, как можно скорее оказаться в собственном, защищенном пространстве, запереть дверь, принять горячий душ, выпить чашку горячего чая и попытаться понять, кто мог стоять за этой идиотской попыткой похищения...

Анна наконец добралась до своего дома, поднялась на четвертый этаж, достала ключи...

Руки у нее тряслись, и она не сразу попала ключом в замочную скважину. Ключ с трудом провернулся в замке. Это было странно и неприятно – замок новый, она, разумеется, сменила замки, когда въехала в эту квартиру. Успокоив себя тем, что ей это просто показалось, что замок в порядке, все дело в ее собственном нервном состоянии, в трясущихся руках, Анна вставила ключ во второй замок.

Этот замок вообще не был закрыт. Она не поверила себе, нажала на ручку двери – и дверь открылась.

Этого не могло быть. Анна прекрасно помнила, что, уезжая, заперла дверь на два замка. Она еще не в маразме, не могла она оставить дверь незапертой или запертой только на один замок.

Открыв дверь, она вошла в прихожую, включила свет... и ахнула.

В ее квартире, несомненно, кто-то побывал. И этот кто-то вовсе не пытался скрыть следы своего визита.

Голубой коврик в прихожей был отогнут, шкафчик для обуви открыт, его содержимое валялось на полу. Дверца зеркального шкафа-купе, где висела ее верхняя одежда, отодвинута, одежда сброшена с вешалок.

Анну затрясло от злости. Она угробила целый день, чтобы навести в этом шкафу порядок, а тут какая-то сволочь устроила настоящий погром!

Какая-то сволочь?

Анна догадалась, кто перевернул ее дом вверх дном. И с каждой минутой эта уверенность возрастала.

Она обошла всю квартиру. Всюду было то же самое.

Хуже всего – на кухне: шкафчики распахнуты, их содержимое разбросано по полу. Из морозилки вынули запасы мороженных овощей, и теперь зеленая фасоль, цветная капуста и шампиньоны превратились в отвратительную подтаявшую кашу.

В спальне – ничуть не лучше: шкаф открыт и разгромлен, с кровати сдернуто постельное белье, из прикроватной тумбочки вырваны ящики, их содержимое разбросано по полу.

И в жилой комнате, которая играла в квартире роль гостиной и кабинета, был такой же разгром. С дивана сдернуты подушки, книги и компакт-диски

сброшены с полок и грудой валялись на полу. Запертый на ключ ящик стола, в котором она держала документы и деньги, выломан с мясом, его содержимое перерыто, но ничего не пропало.

Заглянув в ванную комнату и убедившись, что здесь тоже похозяйничали, она вернулась на кухню, села на табуретку и схватилась за голову.

Подозрение, которое возникло у нее в самый первый момент, укрепилось и превратилось в уверенность. В ее квартире побывали не обычные воры-домушники.

Те действовали бы аккуратно и планомерно, оставили бы как можно меньше следов, а самое главное – унесли бы все сколько-нибудь ценное, все, что можно продать. Здесь же царил дикий разгром, как будто в квартире похозяйничало стадо диких обезьян или компания разбушевавшихся пятиклассников, – но при этом ничто ценное не пропало, по крайней мере на первый взгляд. Воры не тронули ее новую шубку, не прихватили дорогой компьютер, мало того – они выломали ящик стола, но не взяли даже деньги!

Это уж совсем не похоже на квартирных воров.

Это выглядит так, как будто вор искал что-то вполне определенное. Какой-то конкретный предмет.

И Анна догадывалась, кто это был и что он искал.

Сволочь Вадим! Ну какая же он сволочь!

Все началось примерно месяц назад. Ее бывший муженек приперся как-то к ней в кабинет и по привычке уселся на угол стола.

– Можешь нас поздравить! – сказал он, глупо улыбаясь. – В июле у нас свадьба!

– Вот как? – Анна наклонилась к столу как можно ниже, чтобы он не заметил выражения ее лица.

Чего он от нее ждет? Что она бросится ему на шею, визжа от радости? Или прижмет к груди и заплачет материнскими слезами? Зачем он ей это сказал?

– Ты пришел ко мне поделиться своей радостью? – проговорила она холодно. – Я приняла к сведению, а теперь неплохо бы нам обоим приступить к работе.

Анна очень выразительно поглядела на него. Ишь расселся на столе, как мальчишка, еще ногами болтает!

– Очень уж ты сурова! – улыбка сбежала с его лица. – Так с людьми нельзя.

Анна промолчала, ей совершенно не хотелось вступать с ним в бесполезную перепалку. Как сделать так, чтобы он забыл дорогу в ее кабинет и приходил туда только по вызову? Раньше им обоим нравилось такое положение вещей, теперь же это очень мешает.

Ему тоже не хватает их разговоров, поняла она. Он привык каждой мыслью по работе делиться с ней. Иногда забегал просто так поболтать, ему помогали такие перерывы. А теперь что ему делать, когда нужен толковый совет или просто ничего не значащий разговор? Куда ему податься? Бесконечно пить с девчонками кофе? Они уж точно ничего умного не посоветуют, к тому же Анна строго следит, чтобы кофейные посиделки не продолжались более пятнадцати минут. Разговаривать с ненормальными программерами? От этих вообще ни одного внятного слова не дождешься, к тому же своими идеями с ними делиться чревато, как бы не перехватили идейку-то...

– Вадим, – решительно сказала Анна, – если у тебя нет ко мне конкретных вопросов, то я предпочла бы...

– Мне... мне нужно с тобой поговорить! – Он спрыгнул со стола. – Ты права, на работе это неудобно. Можно, я зайду к тебе сегодня вечером?

– Зачем? – Анна воззрилась на него в полном изумлении.

– Это важно, – теперь он был тверд, – я зайду после восьми, ты как раз успеешь домой вернуться.

Ну да, раньше они возвращались вместе, теперь же он сломя голову мчится к своей... к этой Дарье, а она торчит на работе допоздна. Если на то пошло, ей просто тошно сидеть одной в пустой неуютной квартире. Нужно взять себя в руки и заняться квартирой всерьез, а то в это безликое помещение и приходиться то противно. Домработница-то, конечно, довольна – убирать легко, не стоят на полочке никакие безделушки, не сидят на диване меховые игрушки, не висят на стенах фотографии.

Ага, тут же усмехнулась Анна, и что она может повесить? Их с Вадимом общие снимки, может, еще свадебные? У них все было общее – дом, поездки в отпуск, друзья...

Своих подруг у нее и в юности было маловато, а потом из-за этой круговерти они все как-то отошли на задний план. Для нее всегда главной была работа, тут Вадим прав.

Анна поморщилась – пора перестать вспоминать о нем к месту и не к месту. И за каким чертом он припрется вечером, хотелось бы знать? Она-то хотела наложить на лицо питательную маску и полежать в ванне с лавандовой пеной, расслабиться. Придется отложить.

Он пришел вечером, и Анна встретила его, аккуратно одетая и с тщательно наложенным макияжем. Она и раньше-то дома распустехой не ходила, так что теперь и вовсе незачем принимать его в халате.

Он потоптался в прихожей, прошел в гостиную, огляделся с любопытством.

– Еще не обжилась... – протянул он, – как-то тут у тебя пусто.

Анна мгновенно разозлилась – она его в гости не приглашала, так какого черта?!

– Послушай... – спокойно сказала она, – ты собирался поговорить со мной о деле. Ты сказал, что это важно. Так давай начинай. Извини, но чай с тобой гонять я не буду, с этим теперь не ко мне.

Бывший муж сел на диван, тут же вскочил с него, как будто ему в пятую точку впиалась пружина, прошелся по комнате, подошел к окну. Анна поняла, что он

нервничает. Она тоже поднялась с кресла, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Наконец он решился.

– Дело в том, что мы женимся, – заговорил он, и Анна четко видела, с каким трудом он выталкивает из себя слова.

– Я в курсе, – заметила она спокойно.

– Мы решили, что не будем устраивать пышной свадьбы, – продолжал он, – потому что... потому что...

«Потому что у тебя нет денег и некого пригласить», – поняла Анна.

Тратить деньги на пышную свадьбу, когда негде жить, – весьма неразумно, тем более что придется кормить и развлекать ораву малознакомых людей.

Родственников у Вадима почти нету, родители умерли, друзья... друзья все были на прошлой свадьбе, возможно, кто-то и придет на эту, но таких будет, конечно, мало. Сотрудники уж точно не придут, побоятся с Анной ссориться.

Очевидно, жениху и невесте пришли в голову те же резоны. Что ж, это разумно.

– Не беспокойся, дорогой, я не обижусь, если вы меня не пригласите! – Анна не выдержала и наплатала свои слова ядом.

– Я и не собирался тебе приглашать! – Он зло блеснул глазами. – Я пришел забрать у тебя кое-что!

– Что же это? – искренне удивилась Анна. – В этой квартире нет ничего твоего.

– Есть! – Он подошел ближе. – Верни мне кольцо!

– Какое кольцо? – Анна оторопела.

– Не придуривайся! – Он был сердит и сам себя накручивал. – Бриллиантовое кольцо моей матери, фамильную вещь!

– Ах, вот ты о чем... – Анна просто не верила своим ушам. – Ты это серьезно?

Когда-то давно, когда они поженились с Вадимом, свекровь не слишком одобряла Анну. Дело тут было не в ней, как поняла Анна позже, просто свекровь не смогла примириться с тем, что ее единственный сын женился и у него может быть своя жизнь, в которой ей, матери, отведена второстепенная роль.

Анна не стала тратить время на то, чтобы пытаться свекрови угодить или наладить с ней отношения. Жили они отдельно, тогда еще у нее была собственная комната в коммуналке, выделенная ей родителями. Не хочет свекровь с ней общаться – да ради бога, это ее проблемы, у нее, Анны, своих забот хватает.

Время незаметно летело в суете и работе, и как-то свекровь позвонила ей на мобильный и пригласила в гости. Анна удивилась, но в голосе свекрови было что-то такое, что она согласилась и пришла.

Они долго сидели вдвоем и разговаривали, свекровь все больше слушала, потом показывала фотографии маленького Вадима, а под конец назвала Анну доченькой и показала ей кольцо.

Бриллиант показался Анне огромным, само кольцо было потрясающе красивым. Три с половиной карата, сказала свекровь, вещь старинная, да Анна и сама видела. Такая восхитительная, тонкая работа и аура подлинности, какая бывает только у старинных вещей.

Кольцо хранилось в ее семье много лет, сказала ей свекровь, и передавалось по женской линии. И теперь, сказала свекровь, когда у меня есть дочка, я хочу подарить его тебе. Береги его, девочка, потом передашь своим детям.

Анна тогда так растерялась, что даже как следует не поблагодарила свекровь. Потом налетели заботы, а через месяц свекровь положили в больницу, там она и умерла, очевидно, с самого начала все про себя знала, оттого и позвала Анну.

Анна носила кольцо редко, потому что уж больно ценная была вещь. Но берегла тщательно, и даже в самые тяжелые времена ей не приходило в голову кольцо продать или заложить.

– Ты это серьезно? – повторила Анна. – Ты хочешь, чтобы я отдала твоей... ну неважно, ты хочешь отобрать у меня кольцо и подарить ей на свадьбу?

– Оно не твое! – закричал Вадим. – Это наша семейная реликвия! Мать завещала его...

– Твоя мать ничего никому не завещала, – процедила Анна, – она подарила кольцо мне. Собственноручно отдала, вот на этот палец надела. И велела беречь, как зеницу ока. И не для того я его берегла, чтобы теперь отдать твоей стерве!

Она сдерживалась из последних сил. Ну это надо же! Кольцо, которое принадлежало ей почти десять лет, он хочет отобрать. Может быть, ей самой с низким поклоном передать его этой... этой... Тьфу, все время в голову лезут неприличные слова! Мало того что у нее отняли мужа и фирма, созданная с таким трудом, грозит распасться, так еще, видите ли, он захотел сделать своей шлюшке свадебный подарок за счет бывшей жены! Нет, эта зараза ничего от нее не получит.

– Нет, нет и нет! – твердо сказала Анна. – Кольцо было подарено мне, у меня и останется. А ты уж поднатужься, дорогой, и купи своей невесте обычное колечко с бриллиантом. Кредит в банке возьми, если совсем денег нету.

По тому, с какой лютой ненавистью поглядел на нее бывший муж, Анна поняла, что он уже пообещал своей невесте дорогой подарок, и теперь ему стыдно признаваться ей, что бывшая жена уперлась и кольцо не отдает.

– Ты не имеешь права! – прошипел он. – Это не твоя вещь, я ее заберу!

Он алчно оглядел гостиную и понял, надо полагать, что тут кольца нету – только мягкая мебель да шкаф с книгами. Еще стол и стулья, кольцо положить некуда.

Вадим развернулся на пятках и бросился в спальню. Помедлив немного на пороге, он шагнул к платяному шкафу.

– Тебе не стыдно? – Анна стояла в дверях, не делая попытки его удержать.

Она знала, что кольца он не найдет. Не было у нее в спальне туалетного столика старинной работы с многочисленными ящичками, где хранились бы футляры с драгоценностями. Честно говоря, кроме кольца, у нее и ценного-то ничего не было. Ну, пара сережек, цепочки... Кольцо действительно очень дорогое, а квартира еще не обжитая, замки ненадежные, сигнализации нету. Анна подумала и положила кольцо в банковскую ячейку, в которой хранила кое-какие важные документы и сколько-то валюты – мало ли, вдруг срочно понадобится.

Вадим, не отвечая, рылся в белье. Вот он запутался в бюстгальтере, чертыхнулся, злобно рванул бретельку ночной сорочки, с грохотом задвинул ящик и бросился к прикроватной тумбочке. Там валялись разные мелочи, и Вадим издал торжествующий рык, увидев простые серебряные сережки. Анна давно их не носила, хранила просто так, как память. Вадим высыпал содержимое ящика на кровать и через некоторое время разочарованно разогнулся.

– Ты не смотрел еще в холодильнике и в бачке унитаза, – с издевкой сказала Анна.

– С-сука! – прошипел он в бессильной злости. – Я все равно его достану! Непременно достану!

– Через мой труп! – сказала Анна. – Для того, чтобы его получить, ты должен меня убить. Что ж, попробуй.

Он отступил, скорее всего понял, что вряд ли сумеет ее одолеть в честной борьбе один на один. Анна была женщина крепкая, в молодости занималась спортом и до недавнего времени умудрялась захаживать в тренажерный зал.

Сгорбившись, как будто неся на плечах непосильную тяжесть, Вадим дошел до двери.

В дверях он остановился, сгорбившись, взглянул на нее через плечо и глухо проговорил:

– Ты присвоила нашу фамильную вещь. Мама отдала кольцо тебе с условием, что ты передашь его своим детям. Но у тебя же нет детей! И никогда не будет!

– У тебя тоже нет! И неизвестно, будут ли! – бросила Анна и тут же задохнулась от его пощечины.

Он посмотрел ей в лицо и испугался, до того оно было страшно. Никогда в жизни никто не поднимал на нее руку.

– Пошел вон из моей квартиры! – прошипела Анна. – И никогда больше не смей приходить!

Так вот, несомненно, пока ее не было дома, эта скотина, бывший, с позволения сказать, муж, пытался искать кольцо. Озверел совсем, зациклился на этой мысли! Эта стерва его небось подзуживает! Не может допустить, чтобы кольцо досталось Анне!

Анна встала, брезгливо собрала в пакет раскисшие, полуразмороженные овощи и вынесла их из квартиры. Выбросив пакет в мусоропровод, она задумалась.

Вызвать полицию? Натравить их на Вадима?

Ну уж нет! Она знала, каких нервов ей будет стоить общение с полицией. Будут допрашивать ее до глубокой ночи, ходить по квартире, рыться в ее вещах, в итоге ее же саму еще и обвинят во всех смертных грехах. Нет, на такое испытание у нее уже не осталось сил. Вадим, конечно, от всего отопрется, к тому же, когда в полиции узнают, что в деле замешан бывший муж, тотчас потеряют к ней всяческий интерес. Дело, скажут, семейное, сами разбирайтесь. Нет уж, и про кольцо им знать ни к чему.

А вот поговорить с консьержкой не помешает...

Не возвращаясь в квартиру, Анна спустилась на первый этаж и подошла к окошку консьержки.

Дежурила не та женщина, что прошлый раз. Та была крашеная блондинка с фальшиво-приветливым лицом и накрашенным сердечком ртом, сейчас же из окошка выглядывала особа с огненно-рыжими волосами, похожая на огромную жабу. За ее спиной фальшивым голосом разговаривал телевизор.

– Вы что, всех подряд в дом пускаете? – Анна с ходу перешла в нападение. – У нас жилой дом или проходной двор?

– А что такое, Анна Пална? – проквакала консьержка, выпучив круглые глаза. – Что случилось?

– Что случилось? – возмущенно переспросила Анна. – Вы еще спрашиваете! Зачем вы егопустили?

– Кого – его? – в жабьих глазах вспыхнул неподдельный интерес.

– Мужа моего! – выпалила Анна. – Бывшего...

Еще не успев договорить, она уже поняла, что выболтала лишнее, что теперь консьержка разнесет сплетню по всему дому, да что там – по всему району, что теперь все консьержки, дворничихи и уборщицы в округе будут в восторге перемывать ей косточки, но ей невыносимо хотелось выплеснуть на кого-то накопившуюся в душе злость, и Анна продолжила с прежней агрессией:

– Вы не должны пускать в дом посторонних! Я буду на вас жаловаться! Я добьюсь...

– Жаловаться? – перебила ее консьержка, и на этот раз в ее голосе не осталось и следа прежней фальшивой угодливости, теперь голос стал визгливым, скандальным. – Жаловаться она будет! Сама со своим мужиком разбирайся! А я консьержка, а не охранник! Я не обязана следить за всеми, кто тут ходит! Я тебе по утрам говорю «здрaсте», вот и вся моя работа! Так что жалуйся кому хочешь...

– «Здрaсте» говоришь? – переспросила Анна, закипая. – И за это тебе должны деньги платить? А если квартиру обчистят – так ты тут ни при чем? Здорово устроилась! Сидишь тут, телевизор смотришь и задницу отращиваешь... тоже мне, работничек!

– Квартирку вашу обчистили? – Глаза консьержки загорелись, как габаритные огни машины. – Много унесли?

– Не ваше дело! – отрезала Анна, пятась.

– А если квартиру обчистили, так это непременно нужно полицию вызывать! – затараторила консьержка и продолжила, потянувшись к телефону: – Когда квартиру обчистили, этим полиция занимается, это их работа такая, а я тут ни при чем! И вообще, я только два часа как сменилась, до этого Аглая Ильинична дежурила, мы с ней по очереди дежуриим, два дня через два, так это, выходит, в ее дежурство вашу квартиру обнесли, а я тут вообще посторонняя!..

– Никуда не надо звонить! – остановила ее Анна. – Ничего у меня не унесли, и вообще ничего не случилось! И не лезьте не в свое дело, если вас не просят!

– Не просят? – переспросила консьержка, разочарованно поджав губы. – Сперва вы приходите ругаться, а потом говорите, что у вас ничего не случилось... не поймешь у вас!

Анна не дослушала ее и вернулась в свою разоренную квартиру.

Она кое-как ликвидировала следы разгрома, немного прибрала и решила завтра же вызвать Татьяну Семеновну, чтобы та навела порядок. Правда, телефон домработницы не отвечал, но рано или поздно до нее удастся дозвониться.

Кое-как прибравшись, Анна приняла душ. Стоя под горячими струями, она обдумывала происшествие.

От горячей воды мозги у нее встали на место, и она поняла, что сам Вадим не пошел бы на такой откровенный криминал, не вскрыл бы ее квартиру. Скорее уж это его девка, эта... как ее... Дарья. Уж очень она хотела заполучить то кольцо...

Вадим на работе не осмелился скандалить, приходил, правда, пару раз и просил по-хорошему, извинялся даже, но после пощечины Анна вообще старалась с ним беседовать как можно реже.

Он бы и отступился, но сам проболтался, что в дело вмешалась Дарья.

«Фиг ты его получишь», – в который раз подумала Анна и в который раз порадовалась, что надежно спрятала кольцо.

Усталость взяла свое, и, несмотря на все волнения минувшего дня, она заснула, едва голова коснулась подушки.

На следующий день Анна проснулась с трудом, приползла на кухню, чтобы выпить свою утреннюю чашку кофе, – и только сейчас вспомнила о вчерашнем разгроме. Хотя вечером она слегка прибрала в квартире, но при дневном свете следы разгрома были отчетливо видны.

Она снова расстроилась, нашла остатки молотого кофе, заварила двойную порцию.

После кофе жить стало легче, а после контрастного душа она и вообще почувствовала себя человеком, так что на работу отправилась в приличной форме. По крайней мере, Вадим не должен увидеть на ее лице признаков капитуляции.

Спустившись на первый этаж, она бросила взгляд на каморку консьержки. За окошком сидела вчерашняя жаба. Она увлеченно разговаривала с кем-то по телефону и делала это так громко, что Анна невольно прислушалась.

– Да-да, обчистили всю квартиру! – восторженно тараторила тетка. – Одних ковров вынесли четыре штуки! И два телевизора! Каких? А, ну этих... праз... плазменных. И еще три шубы. Две норковые, а одна эта... шим... шиншиловая. Что? А, ну да, конечно, драгоценности тоже унесли. Одних колец на миллион унесли!

– Не забудьте еще про золото в слитках, – проговорила Анна, подойдя к окошку.

– А? Что? – Тетка вылупила на нее круглые глаза, прикрыла трубку рукой. – А, это вы, Анна Пална? Добренькое утречко! Как спали?

Анна не удостоила ее ответом.

На работе все было по-прежнему. Большая часть программистов еще не подтянулась, компьютерные гении встают поздно и не являются на работу раньше полудня. Соответственно, и уходят с работы поздно. Вадим из

солидарности с ними тоже приходит не слишком рано, хотя ему, как руководителю, стоило бы появляться с утра.

Анна с ним часто ссорилась на эту тему, но сегодня она была рада, что его нет – не хотелось сталкиваться с бывшим мужем, после вчерашнего она могла сорваться.

Она поздоровалась с секретаршей Светой, прошла в свой кабинет и стала просматривать ежедневник.

Тут Света связалась с ней по интеркому и сообщила, что с самого утра звонил руководитель департамента безопасности фирмы «Фармамед», просил о встрече.

Анна оживилась: «Фармамед» – очень крупная и известная фармацевтическая фирма, одна из крупнейших в городе, да пожалуй что и в стране, заполучить такую фирму в число клиентов – мечта всякого айтишника.

– Перезвоните ему и назначьте встречу на любое удобное время, – распорядилась она. – Хотя нет... назначьте встречу на одиннадцать сорок, пусть почувствует, что я очень занята, у меня каждая минута на счету. И еще узнайте, кто он такой, как зовут, и вообще все, что можно выудить из Интернета.

– Уже, – гордо сообщила Светлана. – Завалов Антон Николаевич, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, женат, двое детей. В «Фармамеде» работает шесть лет, до этого возглавлял службу безопасности страховой компании...

– Спасибо. – Анна подумала, что Света – молодец и надо бы повысить ей зарплату. Никакого сравнения с той прежней дурочкой, которая только и умела, что сплетничать. Света – работник неплохой, надо бы ее поощрить. Хотя... денег постоянно не хватает, и компьютерные гении вечно просят прибавки.

Полтора часа прошли незаметно за решением мелких текущих вопросов. В половине двенадцатого в кабинет без стука вошел Вадим, поздоровался и по-хозяйски сел в кресло.

- Ну, как съездила? - осведомился он деловито. - Как Селиверстов?

Прежде чем ответить, Анна внимательно, пристально вгляделась в его лицо.

Нет, никаких признаков вины в нем незаметно. Если бы он вскрыл ее квартиру и устроил там такой разгром - не смог бы смотреть ей в глаза с таким невинным видом. Значит, она права, погром в квартире - это дело рук этой маленькой сучки, его будущей женушки.

- Ты о чем задумалась? - напомнил о себе Вадим. - Удалось утихомирить Селиверстова?

С другой стороны, без его ведома Дарья бы на такое ни за что не решилась, так что он вовсе не такой белый и пушистый, каким хочет казаться...

- Да что с тобой? - проговорил Вадим, повысив голос. - Что насчет Селиверстова?

- С Селиверстовым все в порядке, я его убедила, что конфликт - не в его интересах, так что никаких штрафных санкций он предъявлять не будет. Я хотела поговорить с тобой о другом... - Анна испытующе посмотрела в глаза бывшему мужу.

Закончить она не успела, потому что ожил интерком и из него донесся голос Светланы:

- Анна Павловна, к вам - господин Завалов.

- Пусть войдет! - Анна машинально поправила волосы, бросила взгляд на дверь.

- Это еще кто? - вполголоса осведомился Вадим.

- Начальник отдела безопасности фирмы «Фармамед», - так же вполголоса ответила Анна.

Вадим уважительно присвистнул:

– Круто! А я и не знал, что ты ведешь с ним переговоры!

– Ты обо мне многого не знаешь, – холодно проговорила Анна и с приветливой улыбкой повернулась к двери.

На пороге появился интересный мужчина лет сорока. Впрочем, Анна точно знала его возраст, как и многое другое. Господин Завалов был высокого роста, у него были густые темные брови и хорошие волосы цвета «перец с солью», на правой щеке – небольшой шрам, который его совершенно не портил. Само собой, на нем отлично сидел дорогой итальянский костюм. Не понравились Анне только его глаза – холодные, цепкие, слишком близко посаженные.

– Здравствуйте, Антон Николаевич! – проговорила Анна, демонстрируя одновременно и вежливость, и осведомленность. – Присаживайтесь, – она показала на гостевое кресло.

– Здравствуйте, Анна Павловна! – Завалов опустился в кресло и вопросительно взглянул на Вадима.

– Вадим Андреевич Беркутов, – представила Анна бывшего мужа. – Мой компаньон.

– Беркутов? – переспросил Завалов. В его глазах промелькнуло понимание ситуации, но он оставил его при себе.

– Как я поняла, – начала Анна, – вы хотели обсудить с нами возможные варианты сотрудничества? Мы можем предложить вам самые современные системы обеспечения информационной безопасности. Разумеется, мы поставим вам самые мощные антивирусные программы, защиту от спама, защиту от незаконного проникновения и от утечки конфиденциальной информации, кроме того, такой нужный сервис, как различение человека и робота...

Она полуобернулась к Вадиму и добавила:

– Кстати, господин Беркутов – опытный компьютерщик, и если у вас возникнут конкретные технические вопросы, он может ответить на них с полным знанием дела...

– Не сомневаюсь. – Завалов плавным, уверенным жестом остановил Анну. – Дело в том, что сам я не очень хорошо разбираюсь в технических вопросах, для этого у меня есть специалисты. Я хотел бы обсудить с вами, Анна Павловна, юридические, правовые и финансовые аспекты наших возможных взаимоотношений.

Он взглянул на часы и продолжил:

– Мы могли бы обсудить эти вопросы за ланчем. Как вы отнесетесь к тому, чтобы пообедать со мной?

– Когда? – уточнила Анна. – Прямо сейчас?

– Конечно. – Завалов кивнул. – Зачем откладывать? Здесь неподалеку есть хороший итальянский ресторан.

– А... – Анна взглянула на Вадима.

– Я думаю, – возразил Завалов, – я думаю, что у Вадима Андреевича найдутся собственные дела. Правовые вопросы мы с вами вполне можем обсудить и без него.

Вадим возмущенно нахмурился, но Анна выразительно взглянула на него: такой клиент может диктовать любые условия, так что свои амбиции оставь при себе!

– Ах, ну да, у меня как раз на двенадцать назначено совещание... – проговорил Вадим, стараясь скрыть обиду.

– Вот и хорошо. – Завалов поднялся. – Пойдемте, Анна Павловна...

– С удовольствием. – Анна улыбнулась ему не профессионально вежливо, а просто тепло и открыто.

И увидела, что Вадим прекрасно это заметил. И что ему это очень не понравилось.

«А уж это ты, голубчик, переживешь».

Итальянский ресторан назывался «Монтеки». Он был оформлен в стиле деревенской траттории где-нибудь в Умбрии, Тоскане или Ломбардии – простые деревянные стулья, столы, накрытые домоткаными льняными скатертями в крупную красно-белую клетку, нарочито грубая глиняная посуда, по стенам развешаны яркие тарелки ручной работы, связки лука и чеснока, пучки душистых трав, благодаря которым в помещении стоял чудесный запах.

С этим запахом смешивался волнующий аромат свежеспеченного хлеба и поджаренного на открытом огне мяса.

Эти удивительные запахи и кажущаяся простота обстановки ясно давали понять, что Анна попала в дорогое заведение.

Свободных столиков почти не было. Большую часть посетителей составляли хорошо одетые мужчины и женщины делового вида – кто-то, как Анна, проводил здесь за ланчем предварительные переговоры с заказчиками или партнерами, кто-то зашел перекусить в промежутке между совещаниями или презентациями.

Впрочем, было здесь несколько женщин того особенного типа, которых очень много в Москве, но и в Питере их можно встретить: обеспеченные, дорого одетые дамы в возрасте от тридцати до... до того возраста, который невозможно определить, не будучи экспертом-криминалистом; дамы, вовремя успевшие удачно выйти замуж и благополучно развестись и теперь озабоченные тем, как с пользой и удовольствием потратить деньги, с боем отобранные при разводе у бывшего мужа, и время, оставшееся до следующего замужества или до полной капитуляции перед надвигающейся старостью.

Анна одним взглядом оценила публику.

Такая публика говорила о том, что они пришли в дорогое и модное заведение. Убедившись в этом, она проследовала за своим спутником в дальний угол ресторана, где господин Завалов предусмотрительно заказал столик.

Завалов предупредительно отодвинул стул, чтобы Анна могла сесть, сам устроился напротив. Мимоходом Анна отметила, что он сел лицом к дверям, чтобы видеть всех входящих в ресторан. Впрочем, это ее ничуть не заботило.

Она думала о том, как правильно построить разговор с потенциальным заказчиком.

Официант положил перед ними два меню в обложке из нарочито потертой телячьей кожи и бесшумно удалился. Анна просмотрела меню и отметила прекрасный выбор блюд, отменную винную карту и неприлично высокие цены. В итоге она выбрала салат «Кортон» с артишоками, базиликом и домашней ветчиной и рыбу «сен-пьер» с дикими травами по-умбрийски, Завалов предпочел маринованную спаржу с каперсами и бифштекс по-флорентийски.

Официант, который, видимо, умел читать мысли, тут же возник рядом со столиком, принял заказ и удалился, теперь уже надолго.

Анна выпила минеральной воды (разумеется, итальянской, без газа) и заговорила:

– Ну что ж, Антон Николаевич... раз вы обратились в нашу фирму, значит, вы уже провели предварительный анализ рынка и знаете, что мы представляем своим клиентам самый большой комплекс услуг по вполне приемлемым ценам. Так что я не буду тратить свое и ваше время на саморекламу.

– Вы правы, – ответил Завалов с загадочной улыбкой. – Я провел предварительный анализ рынка. Но решающую роль в моем выборе сыграл не комплекс предоставляемых услуг и не цены...

– А что же тогда? – удивленно спросила Анна. – Хорошие отзывы наших клиентов?

– Нет, и не это. Честно говоря, я не видел никаких отзывов. Я вообще не привык полагаться на чужое мнение.

– Вы меня заинтриговали!

Завалов перегнулся через стол и тихим, доверительным голосом проговорил:

– Решающую роль в моем выборе сыграло то, что в вашей фирме – самый очаровательный директор, какого мне когда-нибудь приходилось видеть!

Анна расхохоталась:

– Вы очень любезны, Антон Николаевич, но я расцениваю это только как комплимент!

– Отчего же? – Завалов поднял брови. – Это истинная правда! Я увидел вашу фотографию на сайте фирмы, и она произвела на меня сильное впечатление. Но мы-то с вами знаем: нельзя верить фотографиям в наше время.

– Что вы имеете в виду?

– Фотошоп доступен каждому, и он может сделать из пенсионерки юную красавицу, из Золушки принцессу, а из увядающей хризантемы майскую розу.

Завалов откинулся на спинку стула, откровенно разглядывая Анну, и продолжил:

– Но в вашем случае все обстоит не так. Оригинал значительно превосходит фотографию!

Анна смутилась. Если бы напротив нее сидел любой другой мужчина – она повела бы себя по настроению: или поддержала бы флирт, или поставила собеседника на место. Но Завалов был потенциальным клиентом, причем клиентом очень крупным и выгодным, поэтому ей оставалось только подыгрывать ему по принципу «чего изволите». Хотя он был интересным мужчиной и вовсе не плохо было бы поощрить его и пообщаться с ним в неформальной обстановке. В конце концов, разве она не заслужила хотя бы один спокойный милый вечер... хотя бы один вечер после этого ужасного, просто кошмарного года? Давно пора вспомнить, что она женщина. Еще довольно молодая и из себя ничего...

Но у Анны был незыблемый принцип: с клиентами не позволять себе никогда и ничего. А то никакого бизнеса не получится, мужчины просто не будут воспринимать ее всерьез. Так что придется оставить мысли о спокойном вечере в обществе интересного мужчины и свести разговор на дела. А жаль...

И в то же время у Анны было какое-то неприятное, тревожное ощущение.

Завалов откровенно разглядывал ее – но в его взгляде был не только обычный мужской интерес, а что-то еще. Он смотрел на Анну, как кот смотрит на испуганную мышь, зная, что она никуда не денется, стоит только протянуть когтистую лапу...

«Странно, – подумала Анна в следующий момент, – он довольно интересный мужчина, небедный, достаточно влиятельный. Для такого найти новую подружку – не проблема. Причем без особых издержек и без труда. Неужели он до такой степени запал на меня, что ради моих прекрасных глаз готов пожертвовать интересами своей фирмы?»

Анна была не такого высокого мнения о собственной внешности, чтобы без раздумий принять эту версию.

Да, она не дурнушка, но все же и не красавица, не фотомодел ь. Она поддерживает себя в форме, следит за собой, но вокруг полно более ухоженных экземпляров. А самое главное – ей уже не двадцать лет, и даже, как ни горько это признавать, не тридцать, а мужчины в наше время словно с ума посходили – подавай им молодость, молодость, молодость... взять хоть Вадима...

Опять она вспоминает бывшего мужа к месту и не к месту! Ну когда же это кончится!

Анна постаралась отбросить эту неприятную мысль, но, должно быть, облачко все же набежало на ее лицо, потому что Завалов посмотрел на нее сочувственно и проговорил:

– Вы подумали о чем-то неприятном? Давайте забудем хоть на полчаса обо всех неприятностях, обо всех проблемах, как производственных, так и личных. Пусть они останутся за дверью этого ресторана! Давайте выпьем за нас, за нас с вами!

Тут же, словно из воздуха, возник официант с запотевшей бутылкой в руке.

– Довольно неожиданный тост... – неуверенно проговорила Анна. – И вообще, Антон Николаевич, я не пью на деловых встречах, я вообще не пью днем...

– Ну, может быть, для меня вы сделаете исключение, – в голосе Завалова прозвучали просительные, почти умоляющие нотки. – Ради меня и ради этого чудесного вина. Это – айсвайн, австрийское вино, полученное из винограда, замороженного прямо на лозе. Это чудесное вино, не отказывайтесь!

Анна все еще колебалась, и Завалов, посмотрев на нее пристальным, настойчивым взглядом, добавил:

– Вы же хотите заключить контракт с моей фирмой? Значит, вы должны выполнить мою просьбу!

– Вы... вы всегда так настойчивы и прямолинейны? – спросила Анна, растерянно глядя на собеседника.

– Я всегда добиваюсь того, чего хочу, – ответил он, не отводя от нее взгляда.

И Анна не выдержала, она неуверенно взяла бокал за тонкую ножку, подняла его...

– За нас! – повторил Завалов, и их бокалы легко соприкоснулись, издав едва слышный мелодичный звон.

Анна поднесла бокал к губам.

Она хотела только пригубить вино – но, почувствовав его нежный цветочный аромат, не удержалась и сделала большой глоток.

Она не раз пила «ледяные вина», но никогда прежде ей не попадалось вино с таким нежным, таким восхитительным букетом. Казалось, она пьет не вино, а утреннюю росу, искристый морозный воздух, напоенный ароматом трав и цветов...

– Какое вино! – проговорила она едва слышно.

– Я же говорил вам – оно вас не разочарует! – Завалов, не отрываясь, смотрел на нее сквозь свой бокал, сквозь золотистое, мягко отсвечивающее вино.

Словно золотая линза, бокал увеличил его глаза. Анна не могла отвести от него взгляд, он словно загипнотизировал ее. Голова слегка закружилась, тело охватила приятная слабость.

«Да что же это со мной происходит, – думала Анна. – Вроде и выпила-то всего один глоток...»

Она с трудом отвела взгляд от собеседника, скосила глаза на свой бокал – и с удивлением заметила, что он пуст.

«Когда же я успела все выпить?»

Словно прочитав ее мысли, рядом с ней тут же снова возник официант и наполнил бокал.

– Нет-нет! – запротестовала Анна. – Мне больше нельзя пить! Я же еще должна работать!

– Ну, вы же сама себе хозяйка, – мягким, бархатным голосом говорил Завалов. – Если захотите, можете вообще не возвращаться на работу... кто вам что скажет?

«Что со мной происходит? – думала Анна. – В конце концов, я не двадцатилетняя девчонка, чтобы поплыть от пары комплиментов и от бокала вина, пусть даже и очень хорошего вина...»

Но с ней и правда происходило что-то странное. Голова кружилась, в ушах раздавался мягкий ровный шум, напоминающий отдаленный шум морского прибоя...

Морской прибой... как давно она его не слышала...

«Брось все, – услышала она чей-то мягкий, завораживающий, гипнотический голос. – Забудь все дела, все заботы. Забудь этот скучный, суетливый город. Плыви по воле своих желаний. Ничто, кроме этих желаний, не имеет значения...»

Чей это был голос – Завалова?

Возможно, хотя этот голос был более сильным и звучным, а главное – он раздавался сразу со всех сторон, он звучал прямо в голове у Анны, прямо в ее душе...

Морской прибой... привкус соли на губах... следы волн на песке... легкий коктейль в прибрежном баре... а самое главное – мужчина рядом, внимательный, ласковый, понимающий ее с полуслова, предупреждающий каждое ее желание...

Этот чудесный мир, этот морской берег стали вдруг удивительно реальными, словно только они существовали на самом деле, а окружающая действительность – большой северный город, дорогой престижный ресторан, деловые люди за соседними столиками, обсуждающие свои скучные дела, – наоборот, отдалилась, как будто ее отделяло от Анны толстое стекло, сквозь которое до нее едва доносились приглушенные голоса людей и звон посуды...

«Мы, двое взрослых самостоятельных людей, понимаем, что нас тянет друг к другу, – звучал в голове у Анны тот же гипнотический голос, – отчего же мы должны прислушиваться к условностям, которые придумали ханжи? Мы должны быть вместе прямо сейчас, незачем тратить время на пустые разговоры...»

Голос звучал в ее голове все настойчивее, Анна внимала ему, не думая больше ни о чем.

И вдруг раздался другой звук – резкий, тревожный, неожиданный.

Анна обернулась на этот звук – и увидела на полу осколки разбитого бокала и официанта, с виноватым видом собирающего эти осколки и вытирающего салфеткой пролитое вино.

Звон разбитого бокала разрушил окутавшие Анну чары, как будто вместе с бокалом разбилось то толстое стекло, которое отделяло ее от реальности.

Голоса людей, звуки, запахи обрушились на нее с новой силой. Она снова отчетливо видела многолюдный ресторан, его посетителей, неловкого официанта...

Странно, раньше он вовсе не казался неловким, напротив – производил впечатление удивительно ловкого и профессионального человека, бесшумно появляющегося, как только в нем возникает потребность, и тут же бесследно исчезающего.

Анна подняла глаза на своего спутника – и случайно перехватила взгляд Завалова, устремленный на официанта. В этом взгляде она успела прочесть раздражение... нет, больше чем раздражение – самую настоящую ненависть!..

Завалов тут же пригасил это выражение, его взгляд стал спокойным и внимательным, как будто ничего не случилось...

Но и в самом деле ничего серьезного не случилось! Подумаешь, разбился бокал!

А это выражение ненависти... да скорее всего Анне это просто почудилось!

– Нет-нет! – проговорила Анна, изо всех сил пытаясь собрать разбегающиеся мысли. – Давайте все же вернемся к тому, ради чего мы сюда пришли...

– Что вы имеете в виду?

– Разумеется, контракт на комплексное обслуживание с вашей фирмой! – Анна с трудом вспомнила цель сегодняшней встречи и по этому поводу очень собой загордилась.

Завалов, напротив, откровенно заскучал, как будто утратил интерес к их разговору, утратил интерес к самой Анне. Он взглянул на часы и озабоченным голосом проговорил:

– К сожалению, мне пора идти. У меня назначена важная встреча. Очень важная встреча.

– Но как же наш контракт? – забеспокоилась Анна.

– Контракт? – Он слегка поморщился, как от зубной боли. – Не беспокойтесь, мы еще вернемся к этой теме. Приготовьте пока типовой вариант контракта, я позвоню вам на днях.

Он подозвал официанта, расплатился, оставив щедрые чаевые, и тут же ушел, не дождавшись даже, пока Анна приведет себя в порядок и подкрасит губы.

«Странный человек, – думала она, возвращаясь на рабочее место. – Сначала обхаживал меня, как мартовский кот, потом вдруг резко потерял всякий интерес... а о контракте вообще не захотел говорить... странный человек!»

Но она-то какова! Так поплыть от пары комплиментов и нескольких мужских взглядов!

Это от одиночества, поняла Анна, уже почти год у нее не было никого, никакого мужчины. Никто не дарил ей цветов, никто не приглашал ее в ресторан просто так, посидеть, поговорить, выпить, потанцевать, были у нее только деловые ланчи. Даже от ужинов теперь она отказывается – одна не пойдешь, а спутник ее теперь с другой в рестораны ходит. Секса не было почти год, да что там, никакой мужчина по руке не погладил, в щечку не поцеловал! Оттого и готова она броситься в объятия первого попавшегося мужика, который поманит. Стыд какой!

Однако все же странно, с чего это ее так повело. И выпила-то всего один бокал, и время неподходящее...

Анна встряхнулась и приказала себе не думать об этом, впереди еще половина рабочего дня.

Впрочем, на этом странности не кончились. Когда Анна вошла в свою приемную, секретарша привстала, взглянула на нее с виноватым видом и проговорила:

– Анна Павловна, у вас в кабинете человек...

– Что? – не поняла Анна, до нее сейчас все плохо доходило.

– Я не хотела его пускать без вас, но он настаивал, сказал, что иначе ничего не получится...

– Какой человек? – с раздраженным удивлением переспросила Анна. – Что не получится?

– Понимаете, как только вы ушли... – начала оправдываться Светлана и замялась.

– Не понимаю, – с прежним раздражением проговорила Анна. – Объясните толком!

– Как только вы ушли, перестал работать телефон... а нам без телефона никак нельзя, вы же знаете... вот я и позвонила в бюро ремонта... и они сразу прислали человека, буквально через десять минут...

– Странно, – недоверчиво фыркнула Анна, подходя к двери кабинета. – Чтобы сразу прислали – никогда такого не бывало! Их обычно часами приходится ждать!

Она распахнула дверь кабинета – и застыла на пороге.

Человек в синей униформе телефонной компании рылся в ящиках ее письменного стола.

– Что здесь происходит?! – резко бросила Анна.

Незнакомец вздрогнул, задвинул ящик и выпрямился. На лице у него было выражение испуга и недовольства, как у ребенка, которого застали с открытой коробкой конфет в руках. Длинные волосы неаккуратно болтались по сторонам непримечательного лица.

– Что происходит? – грозно повторила Анна и в два шага подошла к столу.

Мужчина успел опомниться, принял вид оскорбленной невинности и проговорил:

– Как это – что происходит? Связь вам чиню! Как связь починить надо, так сразу ко мне обращаетесь, а тут вдруг голос на меня повышаете! Вы меня сами вызвали, а теперь недовольны!..

– Во-первых, вас вызывала не я, – отчеканила Анна. – А во-вторых, вас вызвали чинить связь, а не рыться в моем столе!

– А я не роюсь, я не роюсь! – зачастил связист. – У меня такого никогда не бывало, чтобы рыться!

– Нечего юлить! Я своими глазами видела!

– Я там пассатижи искал, мне пассатижи нужны... мне без пассатижей никак...

– У меня там никогда не было никаких пассатижей! А вы что, пришли без инструментов?

Мужчина замолчал, обиженно поджав губы, глаза его воровато бегали.

Анна окинула взглядом кабинет.

За время отсутствия все вещи в нем поменяли свои места, все было передвинуто, переставлено. Значит, он успел порыться не только у нее в столе...

Анна неприязненно оглядела ремонтника и проговорила не терпящим возражений тоном:

– Все, немедленно покиньте мой кабинет!

– Что значит – покиньте? – заныл мужчина. – Сами вызвали, а сами теперь прогоняете? Если прогоняете, то я не буду ничего чинить! Я не могу чинить при таком отношении!

– Вон! – крикнула Анна, потеряв терпение. – Я сказала: вон! Я буду звонить в вашу фирму! Я буду с ними разбираться! А для начала пусть пришлют другого человека!

– Звоните куда хотите! – Связист подхватил свой чемоданчик и удалился с обиженным видом.

Анна следом за ним вышла в приемную и раздраженно взглянула на секретаршу:

- Вы же знаете, что в мое отсутствие никого нельзя впускать! Я вам столько раз об этом говорила!

- Да, Анна Павловна... - Света покаянно опустила глаза. - Я не хотела его пускать, но он и слушать не стал... не драться же мне с ним... и потом, у нас телефон не работал, а вы же знаете, что без телефона...

И в эту секунду телефон у нее на столе зазвонил.

- Ой. - Света уставилась на аппарат, как на говорящую лягушку. - Значит, он его все же починил...

И тут дверь приемной открылась.

На пороге стоял человек в синей униформе с логотипом телефонной компании. В точно такой же униформе, как тот, которого Анна только что застала в своем кабинете.

- Телефонная компания! - проговорил связист, оглядевшись. - Что у вас тут не работает?

В первый момент Анна растерялась. Ей показалось, что вернулся тот человек, которого она только что выгнала. Тот человек, который в ее отсутствие обшарил кабинет. Но потом она поняла, что они ничуть не похожи, что этот парень моложе и привлекательнее, а ее ввела в заблуждение одинаковая синяя униформа.

- У нас все работает, - отчеканила она, отступая к двери кабинета.

- Значит, ложный вызов. - Связист достал из сумки какой-то документ. - Распишитесь вот здесь.

- Ты вызывала, ты и расписывайся! - буркнула Анна. - И если что-то пропало из кабинета...

– Анна Павловна! – в голосе Светланы звенели слезы. – Но телефон и правда не работал!

– Значит, сама должна была с ним рядом стоять! – рявкнула Анна и подумала, что не стоит прибавлять Свете зарплату.

Никто, ну никто не умеет работать...

Но где-то в глубине точил душу неприятный червячок – что-то тут не то...

Пятница 13 октября 1307 года вошла в историю как черная пятница.

В этот день в разных концах огромного французского королевства, в разных городах и селениях, в укрепленных замках и простых домах слуги короля Филиппа Красивого взяли под стражу несколько сотен рыцарей-тамплиеров.

Среди прочих были арестованы Жак де Моле – Великий магистр ордена и Гуго де Пейро – генеральный визитатор, второе лицо после Великого магистра.

Орден тамплиеров возник на Святой земле во время Первого крестового похода, когда несколько рыцарей-крестоносцев дали обет защищать паломников-христиан от опасностей, грозящих им на землях иноверцев. По имени храма Гроба Господнего рыцари нового ордена стали называться храмовниками или тамплиерами.

Через тридцать лет орден стал многочисленным и могущественным, его отделения и приораты появились во Франции и Испании, в Португалии и Англии, в Бургундии и Лотарингии, в немецких княжествах, на Кипре и на Мальте. Тамплиеры теперь занимались не только охраной паломников, но и многими другими делами. Они оказывали военную и финансовую помощь маленьким государствам, созданным на Святой земле крестоносцами, строили христианские храмы, раздавали от имени ордена щедрую милостыню. Когда же христианские государства, основанные крестоносцами в Палестине и Сирии, пали под ударами сарацин и тамплиерам пришлось покинуть таинственный Восток, орден занялся другим, более прибыльным делом.

Пользуясь тем, что их отделения были разбросаны по всем уголкам христианского мира, тамплиеры взяли на себя функции международных денежных расчетов. Если прежде купцу, который отправлялся из Англии на Кипр или из Португалии в Бургундию, приходилось везти с собой полные сундуки золота, рискуя быть ограбленным или убитым в дороге, теперь ему достаточно было посетить одно из отделений ордена тамплиеров и, отдав рыцарям свое золото, получить от них взамен расписку. С этой распиской он мог прийти в другое отделение ордена на другом конце христианского мира, и тамплиеры взамен расписки выдавали ему из своих сокровищ нужное количество звонкой монеты. Таким образом, рыцари Храма впервые придумали идею безналичных денег и банковских чеков, предвосхитив развитие банковской системы. Конечно, тамплиеры брали за свои услуги немалый процент, но все равно это было куда удобнее и безопаснее, чем путешествовать через опасные и незнакомые земли с наличными деньгами в виде звонкой монеты.

Искусство храмовников в денежных делах было так велико, что французский король назначил казначея ордена министром финансов Франции – и казна королевства при этом министре не пустовала.

Как и положено истинным христианам, на заработанные деньги тамплиеры занимались щедрой благотворительностью и строили по всей Европе церкви и соборы. Именно архитекторы ордена Храма заложили основу готической архитектуры, и только за сто лет на деньги ордена рыцарей было построено более восьмидесяти готических соборов, поражавших современников своей красотой и величием.

Кроме того, тамплиеры предоставляли кредиты всем нуждающимся – от простых земледельцев и купцов до знатных баронов и даже королей христианской Европы.

Собственно, это их и погубило.

Самый могущественный из тогдашних монархов, король Франции и Наварры Филипп IV, часто обращался к рыцарям Храма за деньгами. Тамплиеры ему не отказывали, и вскоре его долг достиг огромной суммы в полмиллиона ливров. А когда Филипп с необыкновенным размахом отпраздновал свадьбу своего младшего сына, ему пришлось занять у ордена еще двести тысяч.

В какой-то момент король понял, что проще разделаться с тамплиерами, чем возвращать им долг.

Папа Климент поначалу не соглашался уничтожить богатый и влиятельный орден, но французский король сумел убедить его, что тамплиеры приносят католической церкви больше неприятностей, чем пользы. В конце концов папа, который понимал, что негоже ссориться с самым могущественным монархом католического мира, согласился пожертвовать высокомерными храмовниками.

Вечером Анна возвращалась с работы до того усталая, что долго не могла попасть электронным ключом в таблетку домофона. Наконец дверь открылась. Анна прошла мимо каморки консьержки, и тут ее окликнули:

– Анна Пална!

– Что еще? – отозвалась Анна невежливо.

Ей не хотелось ни с кем разговаривать, хотелось скорее оказаться в своей квартире, принять горячий душ, а главное – остаться одной...

Тем не менее она оглянулась.

Из окошечка выглядывала консьержка – не та рыжеволосая мегера, с которой Анна накануне поругалась, а крашенная блондинка с губами сердечком, приятельница домработницы. Анна даже вспомнила, как ее зовут, – Аглая Ильинична.

– Да, Аглая Ильинична? – Анна вымученно улыбнулась. – Вы что-то хотели?

– Да уж, – отозвалась та, нисколько не оценив вежливость Анны. – Вы посылочку-то свою заберите. Она у меня под ногами мешается.

– Посылочку? – недоуменно переспросила Анна. – Какую посылочку?

– Как это какую? – Консьержка нахмурилась. – Которую Татьяна Семеновна принесла. Я согласилась, чтобы она у меня постояла, так уже третий день стоит,

а вы все не забираете. А она здесь стоит, все ноги уже об нее отбила. У меня и так комнатка маленькая, повернуться негде, а тут еще эта посылка...

- Ах, посылка! - Анна наконец вспомнила, что перед отъездом в Москву вытащила из почтового ящика извещение, попросила домработницу зайти на почту, а консьержка - вот эта самая - согласилась оставить посылку у себя... ах, как нехорошо получилось! Она совершенно забыла про эту чертову посылку, а тетя Люба небось удивляется, что она не звонит ей с благодарностями.

- Да, извините, Аглая Ильинична, - проговорила Анна, - я хотела забрать, но тут была ваша сменщица...

Она взяла тяжелый пакет, еще раз поблагодарила консьержку и поднялась к себе. Пакет с посылкой поставила в кладовку - разобрать теткины дары сейчас не было ни сил, ни желания.

Однако она недооценила свою тетю.

Не успела Анна принять душ и высушить волосы, как в прихожей зазвонил телефон.

Большинство деловых и прочих знакомых звонили Анне по мобильному, и Анна подумала, что звонок вряд ли важный и на него можно не отвечать. Но телефон все звонил и звонил, как будто испытывал ее терпение.

В конце концов Анна не выдержала. Чертыхаясь, она обернула голову полотенцем и побрела в прихожую.

- Анюта, - раздался в трубке жизнерадостно-озабоченный теткин голос. - Ты что так долго к телефону не подходила? Ты уже спать легла? Я тебя не разбудила?

- Нет, тетя Люба, - отозвалась Анна. - Я в ванной была... я вообще-то действительно хотела лечь пораньше...

- В ванной? - переспросила тетка. - Ты накинь что-нибудь, а то у тебя вечно сквозняки...

Судя по такому предисловию, тетка настроилась на продолжительный разговор.

- Да, тетя Люба, - отозвалась Анна, - непременно. Как ваше здоровье?

Анна тетку любила, но разговаривать с ней по телефону было непросто - тетка была очень многословна и все время перескакивала с темы на тему, так что Анна не поспевала за ходом ее мыслей. С некоторых пор, в целях экономии нервных клеток, Анна стала разговаривать с теткой, как Винни-Пух разговаривал с Совой - поочередно отвечая «Да-да, конечно» и «Нет-нет, ни в коем случае», точнее «Да, тетя Люба» и «Нет, тетя Люба».

- Здоровье? - фыркнула тетка. - Слава богу, все хорошо. А ты посылочку мою получила?

- Да, тетя Люба! - Анна воздела глаза к потолку, хотя этого никто не видел. - Получила, конечно.

- А то ты не звонишь и не звонишь, я уж думала - мало ли, посылочка на почте затерялась... ты же знаешь, как сейчас почта работает! Раньше письмо дня три шло, а сейчас хорошо, если две недели!.. Вот соседка моя на той неделе письмо получила от свекрови бывшей из Конотопа. Свекровь это письмо в прошлом году отправила, после уж умерла, соседка к ней на похороны съездила, а письмо только теперь пришло...

- Нет, тетя Люба, - заверила ее Анна. - Все в порядке, получила вашу посылку. Просто я в Москву по работе уезжала, вот не сразу ее забрала...

- По работе? Ты, Анюта, слишком много работаешь, так нельзя! - авторитетно проговорила тетка. - Нужно отдыхать и питаться хорошо. Главное - витамины! Вот я тебе варенье прислала черносмородиновое, оно очень полезное, в нем сплошные витамины. Тут по телевизору профессор один выступал, из Москвы кстати, сразу видно, что очень умный, так он сказал, что в черной смородине очень много витаминов. Ты его поставила в холодильник?

- Кого - профессора? - машинально переспросила Анна.

– Зачем профессора? Варенье! Его непременно надо в холодильнике держать, а то заплесневевает!

– Да, тетя Люба, поставила, – соврала Анна, чтобы не расстраивать родственницу и не затягивать разговор. – Я вообще-то хотела лечь пораньше, на работе сегодня был тяжелый день...

– Ты слишком много работаешь! – повторила тетка. – Так нельзя! Вот у нас в магазине работала Нимфа Романовна, тоже, как ты, горела на работе, так представляешь, чем это кончилось? – Тетка сделала паузу, ожидая от Анны заинтересованную реплику.

– Нет, тетя Люба, не представляю! И честно говоря, не интересуюсь, – честно ответила Анна.

Но тетка ее, видимо, не расслышала.

– Кончилось тем, что у нее началась болезнь этого немца... как его?

– Паркинсона? – подсказала Анна.

– Зачем Паркинсона? Доктор Паркинсон Борис Михайлович у нас в поликлинике глазным врачом работает, а та болезнь имени Альцгеймера! Стала Нимфа Романовна все путать и забывать! Я у нее прошу двести граммов конфет «Марсианка», а она мне дает триста граммов «Инопланетянки». «Марсианка» – она с фундуком, а «Инопланетянка» – с арахисом, а мне арахиса нельзя, у меня на него аллергия! А она мне «Инопланетянку» дает, представляешь себе?

– Да, тетя Люба, представляю и очень вам сочувствую! А сейчас извините, у меня мобильник звонит...

– От этих мобильников одни неприятности! – заявила тетка. – Тот профессор по телевизору говорил, что от них облучение...

Тетка все же наконец свернула разговор, взяв с Анны слово, что она уберет варенье в холодильник и будет ежедневно есть его вместе со всеми витаминами.

Анна повесила трубку, облегченно вздохнула и включила фен...

Но телефон снова зазвонил.

Анна решила, что снова звонит тетка, вспомнив что-то архиважное, и поднесла трубку к уху:

- Да, тетя Люба?

- Гражданка Беркутова? – раздался в трубке незнакомый мужской голос. – Анна Павловна?

- Да, это я... – пробормотала Анна.

Она почувствовала, что этот звонок не предвещает ничего хорошего.

- Нехорошо, Анна Павловна, – строго сказал незнакомец, подтвердив ее опасения.

- Что плохо? Кто вы вообще такой?

- Чужое брать плохо!

- Что?! – возмутилась Анна. – Да что вы такое говорите? Когда это я брала чужое?

- На почте вам выдали чужую посылку, а вы ее не вернули!..

- Чужую? Как чужую? Почему чужую?

- Потому что перепутали! А вы ничего не сделали, чтобы исправить эту ошибку!

- Да не может быть! – Анна с телефоном в руке отправилась в кладовку, развернула пакет и с удивлением прочла адрес на коробке.

Адрес был не ее, и фамилия совсем другая – Кукушкин И. И.

– Ой, и правда, – расстроилась Анна. – Это не моя посылка... а я, как ее взяла, так и не посмотрела на адрес... ой, как нехорошо вышло! Но уверяю вас – я не нарочно! А вы – этот самый Кукушкин?

– Да, я – Иван Иванович Кукушкин, – сообщил ее собеседник не без гордости. – Действительно нехорошо. Так что же мы будем делать, Анна Павловна?

– Ну, я не знаю... может быть, завтра я к вам кого-нибудь пошлю...

Она подумала, что попросит Татьяну Семеновну отнести посылку Ивану Ивановичу.

Но у того было другое предложение.

– Я не хотел бы ждать до завтра. Если вы не против, я к вам сейчас зайду. Ну, минут через двадцать.

Анна совершенно не хотела сейчас кого-то принимать. Она хотела пораньше лечь в постель. Но, с другой стороны, она чувствовала неловкость перед этим Иваном Ивановичем. Кроме того, она представляла, как Татьяна Семеновна будет ныть, что ее заставляют таскать тяжести, как будет жаловаться на свой радикулит...

– Ладно, – сказала она скрепя сердце. – Приходите.

Повесив трубку, она торопливо натянула джинсы и свитер, досушила волосы и хотела было выпить чашку чая, но тут в дверь позвонили.

Анна устремилась в прихожую, скосив глаза на часы.

Иван Иванович приехал даже раньше, чем обещал, – с его звонка прошло всего пятнадцать минут. Видимо, очень уж ему не терпелось получить свою посылку. Возможно, там у него что-то скоропортящееся. Не иначе как черносмородиновое варенье.

Ничего не спрашивая, Анна открыла дверь.

На пороге стоял мрачный, плохо выбритый мужчина лет тридцати в черной кожаной куртке, с квадратным подбородком и оттопыренными ушами. Анна подумала, что подбородок и уши плохо сочетаются друг с другом и что она по голосу иначе представляла себе Ивана Ивановича Кукушкина.

– Проходите, Иван Иванович! – проговорила она несколько смущенно. – Я, конечно, должна извиниться, что так вышло, но я не виновата...

– А кто виноват – Пушкин? – проговорил мужчина грубым неприятным голосом.

Анна подумала, что по телефону его голос показался ей совсем другим. Но телефон, как известно, очень меняет голоса.

– И одними извинениями вы тут не отделаетесь! – прогремел мужчина. – Тут дело серьезное!

– Но я же сказала вам, Иван Иванович, что это вышло случайно...

– Как это – случайно? Что вы такое говорите? Это никакая не случайность, это статья Уголовного кодекса! И вообще – что это вы меня Иваном Ивановичем называете?

– А кто же вы? – растерялась Анна. – Разве вы не Иван Иванович Кукушкин?

– Какой еще Пушкин-Кукушкин? – гремел мужчина. – Я – капитан полиции Дубонос! Для особо близких – Николай Николаевич, но вы к ним не относитесь, так что для вас я – гражданин капитан!

С этими словами незваный гость протянул Анне раскрытое удостоверение.

Анна, которой по работе нередко приходилось сталкиваться с представителями силовых структур, внимательно рассмотрела это удостоверение.

Действительно, его предъявителем был капитан полиции Николай Николаевич Дубонос.

– Ничего не понимаю... – протянула Анна. – Это вы что, из-за посылки пришли?

Лицо капитана побагровело. Он хотел что-то сказать, но в это время входная дверь за его спиной приоткрылась и в квартиру деликатно проскользнул еще один человек.

Это был худощавый и несколько сутулый мужчина лет сорока пяти, с уныло свисающим носом и тщательно разложенными по голове редкими бесцветными волосами.

– Здравствуйте, Анна Павловна! – проговорил этот новый визитер, неуверенно переводя взгляд с Анны на капитана Дубоноса. – Я вам звонил... но у вас, я вижу, гости...

– Но вы-то, надеюсь, Иван Иванович Кукушкин? – сухо осведомилась Анна. – Или у меня сегодня назначили встречу члены клуба одиноких сердец?

– Какого клуба? – переспросил новый гость. – Я – Иван Иванович, я по поводу...

– Зачем же вы, Иван Иванович, полицию вызвали? – раздраженно проговорила Анна. – Мы же с вами обо всем договорились, я нисколько не возражала, разрешила вам приехать...

– Полицию? – Кукушкин побледнел и попятился. – Какую полицию? Зачем полицию?

– Да вот, прямо перед вами пришел капитан Дубонос. – Анна показала на мрачного полицейского. – Как я понимаю, это вы его пригласили? Спрашивается: зачем? Пришел, запугивает меня...

Кукушкин ойкнул и задом выскользнул из квартиры.

– Куда же вы? – Анна выглянула ему вслед, но от того уже осталось одно воспоминание.

Вернувшись в квартиру, Анна заперла за собой дверь на все замки (а то как бы еще какой-нибудь незваный гость не явился на огонек) и повернулась к полицейскому.

– Итак, – проговорила она по возможности спокойно. – На чем мы остановились? Как я поняла по поведению Кукушкина, вы пришли не по его вызову.

– Само собой, – мрачно отозвался полицейский. – Я этого вашего Кукушкина раньше в глаза не видел.

– Значит, вы пришли не из-за посылки. А тогда из-за чего же?

Видимо, появление Кукушкина сбilo полицейского с мысли, и он не сразу сумел вернуться на исходную позицию. Наконец это ему удалось, он снова грозно нахмурился и прогремел:

– Я пришел по заявлению гражданки Беркутовой, которая обвиняет вас в краже личного имущества!

– Беркутовой? – Анна встряхнула головой, пытаясь привести мысли в порядок. – Это я Беркутова!

– Беркутова? – Капитан поднял брови, достал из кармана потрепанный блокнот и перелистал его. Наконец он нашел нужную страницу, и лицо его разгладилось: – Ну да, все правильно, вы – Беркутова А. П., а потерпевшая – Беркутова Д. А.

И тут до Анны дошло.

Она сразу должна была догадаться, кто пытается ей нагадить, но сбили с мысли история с перепутанной посылкой и звонок незадачливого Кукушкина.

Все ясно, откуда ветер дует. Это невеста Вадима, это его стерва Дарья... как ее там по отчеству. И если кто-то хочет нагадить Анне – так это точно она! И до того обнаглела, что представилась уже женой Вадима!

– И в чем же, интересно, меня обвиняет эта Д. А. Беркутова? – осведомилась Анна как можно спокойнее. – В вооруженном ограблении? В нанесении ей телесных побоев?

Произнеся последние слова, Анна поймала себя на том, что с удовольствием нанесла бы Дарье эти самые побои. Но идти за это на зону – нет, спасибо!

– Побои тут ни при чем! – рокотал полицейский. – Гражданка Беркутова заявила, что вы украли принадлежащее ей ювелирное украшение, между прочим весьма ценное...

«Ах, вот в чем дело! – догадалась Анна. – Речь идет о том самом старинном кольце, эта сучка никак не может успокоиться, что не смогла прихватить хоть что-то ценное!»

Так, значит, Дарья дошла до того, что накатала заявление в полицию?

Нет, она бы побоялась связываться с полицией, прекрасно понимая, что в этом случае ей самой вряд ли что-то достанется. И вообще, в полиции нужно паспорт предъявлять, без паспорта они и разговаривать не станут. А эта зараза представилась Беркутовой, хотя она вовсе пока еще Салтыкова. Значит, этот полицейский – какой-нибудь ее дальний родственник или старый знакомый. Кстати, интересно, знает ли о нем Вадим?

Теперь, осознав ситуацию, Анна почувствовала себя гораздо увереннее.

Будучи директором фирмы, она время от времени должна была сталкиваться со всякими государственными органами, в том числе и с полицией, и умела правильно строить разговор, зная, когда нужно проявить уступчивость, а когда – твердость.

– Простите, Николай Николаевич, – проговорила она мягким грудным голосом. – Я не расслышала – из какого вы отделения полиции?

– Из двенадцатого, – ответил капитан, усыпленный ее доброжелательной интонацией. – А в чем дело?

– Дело в том, что двенадцатое отделение находится в другом районе, и я не понимаю, как туда могло попасть это заявление.

– Больно много вы о себе понимаете! – набычился капитан. – Потерпевшая живет на нашей территории и имеет право обратиться в полицию по месту жительства...

– Да что вы говорите? – с интересом переспросила Анна. – С каких это пор она там живет? Ну ладно, это не так важно, сейчас мы все выясним... у вас ведь начальник отделения Алексей Алексеевич Волков?

Анна схватила с полки телефон, набрала номер и проговорила тем же грудным голосом:

– Алексей Алексеевич, прости, что так поздно звоню, у меня здесь твой сотрудник Дубонос... да-да, Николай...

Дверь скрипнула, и капитан вылетел из квартиры, как пробка из бутылки. Как он умудрился так быстро открыть замки, осталось неизвестно науке.

Анна усмехнулась, заперла за ним замки и отключила мобильный телефон. Заканчивать разговор с начальником двенадцатого отделения она не стала, потому что она его и не начинала – просто сделала вид, что набрала какой-то номер. Этого оказалось достаточно, чтобы спугнуть незадачливого капитана Дубоноса. Стало быть, он вовсе не из двенадцатого отделения, раз не знает, кто там начальник. Но до чего дошла их наглость! Явиться в дом, представиться по всей форме, удостоверение-то было настоящее, это Анна заметила. На что он рассчитывал? Что Анна испугается и отдаст ему кольцо? Поднесет на блюдечке с голубой каемочкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/sokrovischa-ordena-tamplierov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)